

18+

Илья Александрович
Бейсарон

**Разговор
на краю
вечности:
Диалог с Богом
о самом главном**

Очень тонкая философия

Илья Александрович Бейсарон
Разговор на краю
вечности: Диалог с Богом
о самом главном. Очень
тонкая философия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73386618
ISBN 9785006930599

Аннотация

Уважаемые читатели, в мире, переполненном информацией и лишенном однозначных ответов, человечество продолжает задавать вечные вопросы. Кто мы? Зачем мы здесь? Представьте книгу, которая не предлагает готовых догм, а приглашает читателя стать свидетелем и участником самого сокровенного диалога – разговора человека с Богом. Что, если бы у вас была возможность задать Богу любой вопрос и получить на него прямой, честный ответ? В живом, личном диалоге, понятном современному человеку.

Содержание

Об авторе	7
Аннотация к книге. «Разговор на краю вечности: Диалог с Богом о самом главном»	9
Глава 1: Шепот Зелени	16
Глава 2: Триста шестьдесят пять причин не бояться	27
Глава 3. Сад тысячи тропинок	40
Глава 4: Эхо Свободы	55
Глава 5. Завеса Забвения и Дар Неведения	64
Глава 6: Храмовая паперть	74
Глава 7: Чаша человеческая	84
Глава 8. Зеркала разума	98
Глава 9: Цель или Средство?	112
Конец ознакомительного фрагмента.	126

**Разговор на краю
вечности: Диалог
с Богом о самом главном
Очень тонкая философия**

**Илья Александрович
Бейсарон**

Фотограф Илья Александрович (личное фото из архива семейного) Бейсарон

© Илья Александрович Бейсарон, 2026

© Илья Александрович (личное фото из архива семейного) Бейсарон, фотографии, 2026

ISBN 978-5-0069-3059-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Пишу стихи с 13 лет, публикую не много, фанат Сергея Есенина и Уильяма Шекспира. Перед собой всегда ставлю цели, недостижимых целей нет.

По специальности врач анестезиолог-реаниматолог, заведующий ОСМП.

Член Российского союза писателей.

Номинант литературной премии им. Сергея Есенина «Русь моя» 2024, 2025

Номинант литературной премии «Наследие» 2024,2025

Номинант национальной литературной премии «Поэт года» 2024,2025

Номинант национальной литературной премии «Писатель года 2025»

Печатные издания:

Альманах «Русь моя 2024»

Альманах «Наследие 2024»

Альманах «Дебют 2024»

Альманах «Поэт года 2024»

Альманах «Современные писатели 2024»

Сборник стихов «Созвездие Мыслей» ISBN: 978-5-0067-6993-9 Издательство Ridero 2025 г.

«Судьбы – время скоротечно» сборник рассказов ISBN: 978-5-0067-7027-0 Издательство Ridero 2025 г.

«Диалог с Богом» книга с очень тонкой философией
ISBN: 978-5-0067-5067-8 Издательство Ridero 2025 г.

«Зарак» фантастика на тему ада ISBN:
978-5-0067-5559-8 Издательство Ridero 2025 г.

Аннотация к книге. «Разговор на краю вечности: Диалог с Богом о самом главном»

Уважаемые читатели в мире, переполненном информацией и лишенном однозначных ответов, человечество продолжает задавать вечные вопросы. Кто мы? Зачем мы здесь? Что такое любовь, страдание, свобода и смерть? Представь-

те книгу, которая не предлагает готовых догм, а приглашает читателя стать свидетелем и участником самого сокровенного диалога – разговора человека с Богом.

Что, если бы у вас была возможность задать Богу любой вопрос и получить на него прямой, честный ответ? Не через притчи или священные тексты, написанные тысячи лет назад, а в живом, личном диалоге, понятном современному человеку.

Книга **«Разговор на краю вечности»** – это именно такой диалог. Это не религиозный трактат и не сборник заповедей. Это откровенная беседа сомневающегося, ищущего человека с Источником всего сущего. На страницах этой книги поднимаются самые острые и болезненные темы:

– **Почему в мире существует зло и страдание, если Бог всеблаг?**

– **В чем заключается истинный смысл человеческой жизни?**

– **Что происходит после смерти и есть ли у души предназначение?**

– **Как найти любовь и не потерять себя в отношениях?**

– **Свободны ли мы в своем выборе или наша судьба predetermined?**

Ответы, которые получает главный герой, могут шокировать, вдохновить или даже вызвать несогласие. Они лишены привычной религиозной окраски и призывают не к сле-

пой вере, а к осознанности, ответственности и глубокому внутреннему исследованию. Эта книга – не карта с проложенным маршрутом, а компас, который помогает найти свой собственный путь к истине. Она для тех, кто устал от чужих ответов и готов услышать свои.

Идея прямого диалога с Богом – один из древнейших архетипов человеческой культуры. От Моисея на горе Синай до мистических откровений святых и пророков – человечество всегда искало прямого контакта с трансцендентным. Однако в XXI веке эта идея приобретает новое, глубоко философское звучание. Книга, подобная «Разговору на краю вечности», становится не столько теологическим текстом, сколько мощным инструментом самопознания.

Бог как внутренний собеседник

Современная философия и психология часто рассматривают концепцию Бога не как внешнюю всемогущую сущность, а как проекцию нашего высшего «Я», глубинной мудрости, коллективного бессознательного. В этом контексте «диалог с Богом» – это диалог с самой сокровенной частью себя. Это акт предельной честности, когда человек отбрасывает социальные маски, страхи и эгоистические установки, чтобы услышать голос своей интуиции, своей души.

Задавая вопрос «Богу», мы на самом деле формулируем запрос к собственному подсознанию. Ответ, который мы «получаем», – это не божественное откровение в классическом смысле, а кристаллизация наших собственных, доселе

скрытых, прозрений. Бог в таком диалоге выступает как идеальный собеседник – тот, кто не осуждает, не навязывает, а лишь отражает и направляет, помогая нам самим найти ответ внутри себя.

Парадокс страдания и свободы воли.

Один из центральных вопросов любого такого диалога – теодицея, или «оправдание Бога». Почему мир полон боли? Ответ, который предлагает современная духовная философия, часто связан с концепцией свободы воли.

В рамках гипотетического диалога Бог мог бы ответить, что страдание – это не наказание, а инструмент роста. Мир был создан не как райский сад, где все предопределено и безопасно, а как тренажерный зал для души. Без сопротивления мышцы не растут; без вызовов, боли и потерь душа не может осознать свою силу, научиться состраданию, прощению и безусловной любви.

Страдание – это обратная сторона свободы. Если бы Бог вмешивался в каждый наш выбор, чтобы предотвратить боль, сама концепция выбора потеряла бы смысл. Мы были бы марионетками в идеальном спектакле, а не свободными творцами своей реальности. Таким образом, зло – это не божественное упущение, а тень, отбрасываемая светом человеческой свободы. Мы сами создаем и рай, и ад на Земле своими мыслями, поступками и выборами.

Переосмысление цели жизни: от «служения» к «самовыражению»

Традиционные религии часто определяют цель жизни как служение Богу, искупление грехов или достижение рая после смерти. Философия, заложенная в «диалоге с Богом», предлагает радикально иную перспективу.

Если каждый из нас – это частица божественного сознания, искра Творца, то наша главная задача – не служить, а **быть**. Быть максимально полной, яркой и уникальной версией себя. Цель жизни – не в том, чтобы заслужить одобрение внешней силы, а в том, чтобы через свой личный опыт – через радость, боль, творчество, любовь, ошибки – позволить Вселенной познать саму себя в новом, неповторимом аспекте.

В этом смысле нет «правильных» и «неправильных» жизней. Жизнь художника, ученого, матери или отшельника – все они одинаково ценны, если проживаются осознанно и честно. Бог в таком диалоге не требует поклонения, а призывает к со-творчеству. «Не спрашивай, чего я хочу от тебя, – мог бы сказать Он. – Спроси себя, кем ты хочешь быть. И будь этим. В этом и будет твое высшее служение Мне и самому себе».

Смерть как трансформация, а не конец.

Страх смерти – фундаментальный экзистенциальный страх человека. Книга, построенная на диалоге с вечностью, не может обойти эту тему. Философский ответ, который она предлагает, лишен как религиозных догм о рае и аде, так и материалистического отрицания посмертного существова-

ния.

Смерть предстает не как аннигиляция личности, а как переход, трансформация сознания. Подобно тому, как гусеница «умирает», чтобы стать бабочкой, человеческое сознание сбрасывает физическую оболочку, чтобы продолжить свое путешествие в иных формах. Цель этого бесконечного цикла – не наказание или награда, а непрерывное обучение и расширение. Душа возвращается к Источнику не для суда, а для интеграции полученного опыта, чтобы затем, возможно, отправиться в новое приключение.

Такой взгляд снимает с жизни груз фатальности и страха. Каждый момент становится драгоценным не потому, что он последний, а потому, что он – вечный вклад в копилку все-ленского опыта.

Ответы, порождающие новые вопросы.

В конечном счете, ценность такой книги и заложенной в ней философии – не в том, чтобы дать окончательные ответы. Напротив, ее цель – разрушить застывшие ментальные конструкции и открыть пространство для личного поиска.

«Диалог с Богом» – это метафора внутреннего пробуждения. Он учит нас тому, что самый важный разговор в нашей жизни – это разговор с самим собой. И что внутри каждого из нас уже есть ответы на все самые главные вопросы. Нужно лишь набраться смелости, чтобы их задать, и обрести тишину, чтобы их услышать. Истинная вера рождается не из слепого принятия чужих истин, а из мужества отпра-

виться в собственное путешествие к краю вечности и заглянуть в глаза своему отражению.

Глава 1: Шепот Зелени

Тишина, густая и бархатная, окутала меня, как только я ступил на узкую тропинку, выющуюся между вековыми соснами. Шумный, суетливый мир остался позади, растворившись в зеленом мареве. Каждый шаг по мягкой хвое был словно прикосновение к чему-то древнему, неизбежному. Воздух, напоенный ароматом смолы и влажной земли, проникал в легкие, очищая не только тело, но и душу.

Я шел, не спеша, позволяя каждому шороху листвы, каждому пению птицы стать частью моего внутреннего мира. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь густую крону, рисовали на земле причудливые узоры, играя бликами на мшистых стволах. Казалось, сам лес дышал, жил своей неспешной, мудрой жизнью, и я, маленький человек, был лишь мимолетным гостем в этом вечном царстве.

Природа здесь не просто очаровывала – она говорила. Говорила без слов, без суеты, без навязчивых вопросов. Ее язык был в шелесте ветра, в журчании ручья, в трепете листьев. Это был язык покоя, гармонии, незыблемой силы. И в этой тишине, в этом безмолвном диалоге с миром, я чувствовал, как что-то внутри меня откликается, как утихает привычная тревога, как растворяются тени сомнений.

Я не искал ответов. Я просто шел. Шел к той поляне, где, как мне казалось, тишина становилась еще глубже, а присутствие чего-то большего – осязатее. Шел, впитывая в себя эту первозданную красоту, позволяя ей наполнить меня до краев. И в этом движении, в этом погружении в зеленую бездну, я чувствовал, как невидимая нить связывает меня с тем, кто создал эту красоту, с тем, кто вложил в нее этот невыразимый покой. Я шел, и в этом шествии было все – и принятие, и смирение, и тихое, глубокое понимание.

И вот, сквозь завесу из папоротников, показалась она – поляна. Не просто открытое пространство, а сердце леса, где свет лился нежным, золотистым потоком, лаская травы

и цветы. Воздух здесь был еще гуще, еще насыщеннее ароматами, и казалось, что сама земля излучает тепло. Я остановился на краю, ощущая, как каждый нерв моего существа натягивается в предвкушении.

Здесь не было ни единого звука, кроме едва уловимого шепота ветра, который, казалось, нес в себе отголоски вечности. Я смотрел на эту безмятежную картину, и в моей душе рождалось нечто новое, нечто, что не могло быть выражено словами. Это было нечто большее, чем просто восхищение красотой. Это было чувство глубокой связи, ощущение себя частью чего-то грандиозного и непостижимого.

Я сделал шаг вперед, и мои ноги утонули в мягкой, упругой траве. Каждый шаг был словно погружение в океан покоя. Я чувствовал, как напряжение, сковывавшее меня долгие годы, начинает таять, как растворяются стены, которые я сам воздвиг вокруг своего сердца. Здесь, на этой поляне, не было места для суеты и сомнений. Была только тишина, наполненная смыслом, и свет, который проникал в самые потаенные уголки моей души.

Я опустился на колени, не в поклоне, а в жесте полного принятия. Я не просил ничего, не требовал ответов. Я просто был. Был здесь и сейчас, в этом священном месте, под этим бездонным небом. И в этой простоте, в этом полном отсутствии желаний, я чувствовал, как невидимая сила обнимает меня, как нежное прикосновение успокаивает мою мятежную душу. Я был готов слушать, готов впитывать, го-

тов быть.

И в этой готовности, в этом безмолвном ожидании, я ощутил нечто, что превосходило все мои прежние представления. Это было не видение, не голос, не осязаемое прикосновение. Это было скорее состояние, волна чистого, безусловного присутствия, которая мягко окутала меня, проникая в каждую клеточку моего существа. Не было нужды в словах, ибо каждое волокно моего тела, каждая мысль, каждый вздох – всё это стало частью единого, безграничного диалога.

Я закрыл глаза, и мир вокруг не исчез, а, наоборот, стал еще более явственным. Я чувствовал корни деревьев, глубоко уходящие в землю, слышал невидимое движение соков по их стволам, ощущал пульсацию жизни в каждом насекомом, в каждой травинке. Я был частью этого всего, и это всё было частью меня. Границы между мной и окружающим миром стерлись, оставив лишь ощущение единства, гармонии, бесконечной взаимосвязи.

В этом состоянии не было места для вопросов, ибо каждый вопрос уже содержал в себе ответ, растворенный в самой сути бытия. Не было места для сомнений, ибо сама реальность предстала передо мной в своей первозданной чистоте, не требующей доказательств. Я не искал подтверждений, не ждал откровений. Я просто *был*, и в этом *бытии* заключалась вся полнота понимания.

Время перестало существовать. Минуты, часы, дни – все это стало бессмысленным в потоке вечности, который стру-

ился сквозь меня. Я чувствовал себя каплей в океане, и одновременно – самим океаном. Это было состояние абсолютного покоя, глубочайшего мира, который проникал в самые потаенные уголки моей души, исцеляя старые раны, разглаживая морщины тревог.

Когда я наконец открыл глаза, мир вокруг не изменился, но изменился я сам. Поляна по-прежнему сияла золотистым светом, деревья шелестели листвой, но теперь я видел их не просто как объекты, а как живые проявления той же силы, что только что коснулась меня. В каждом листе, в каждой цветке, в каждом камне я видел отблеск того же величия, той же мудрости.

Я поднялся, чувствуя легкость, которой не испытывал уже очень давно. Мои ноги ступали по траве с новой уверенностью, а сердце билось ровно и спокойно. Я не уносил с собой никаких конкретных ответов, никаких инструкций или предписаний. Я уносил нечто гораздо более ценное – глубокое, внутреннее знание, что я не одинок, что я всегда связан с этим безграничным источником жизни, любви и мудрости.

Путь обратно по тропинке уже не казался просто дорогой. Это был путь осознания, каждый шаг которого был наполнен новым смыслом. Шумные зеленые леса теперь не просто очаровывали – они пели мне свою вечную песню, и я, наконец, научился ее слышать. Я возвращался в мир, но уже не тем человеком, что пришел сюда. Я возвращался с сердцем, полным тишины, и душой, наполненной светом, готовый жить,

чувствовать и быть, зная, что в каждом мгновении заключена та же самая вечность, что и на этой священной поляне.

Я возвращался в мир, но уже не тем человеком, что пришел сюда. Я возвращался с сердцем, полным тишины, и душой, наполненной светом, готовый жить, чувствовать и быть, зная, что в каждом мгновении заключена та же самая вечность, что и на этой священной поляне.

Тропинка, по которой я шел обратно, казалась шире, а деревья – выше, словно они тоже приветствовали мое преобразование. Воздух был все так же свеж, но теперь он нес в себе не только ароматы леса, но и нечто неуловимое, что я мог бы назвать эхом благодати. Я не спешил, позволяя каждому впечатлению оседать внутри, становясь частью моего нового мироощущения.

Мир, который раньше казался мне источником бесконечных вопросов и сомнений, теперь предстал в ином свете. Я видел его не как набор проблем, требующих решения, а как живое, дышащее полотно, сотканное из бесчисленных нитей взаимосвязей. Каждая встреча, каждое событие, каждая мысль – все это теперь воспринималось как часть единого, грандиозного замысла, который не нужно было разгадывать, а просто принимать и проживать.

Я вышел из леса, и шум города, который раньше вызывал во мне раздражение, теперь звучал как сложная, многоголосая симфония. Гудки машин, голоса людей, стук шагов – все это было частью жизни, частью того же потока, что и шепот

ветра на поляне. Я чувствовал себя наблюдателем, но не отстраненным, а глубоко вовлеченным, способным видеть красоту и смысл даже в самых обыденных вещах.

Мои шаги стали легче, а взгляд – яснее. Я смотрел на прохожих, и в каждом лице видел отражение той же искры, того же потенциала, что и во мне самом. Исчезло осуждение, растворилась тревога за будущее. Осталось лишь тихое, глубокое принятие всего, что есть.

Вечером, сидя у окна, я смотрел на звезды, которые мерцали в бездонном небе. Раньше они казались мне далекими и недостижимыми, символом моей собственной незначительности. Теперь же я чувствовал, что каждая из них – это часть меня, а я – часть их. Вселенная не была чем-то внешним, она была внутри, и я был ее неотъемлемой частью.

Сон пришел легко и безмятежно, без привычных тревог и беспокойных мыслей. Я спал, и во сне продолжал чувствовать эту глубокую связь, эту невидимую нить, которая связывала меня со всем сущим. Пробуждение было таким же спокойным, как и засыпание. Утро встретило меня не новыми вопросами, а новым ощущением полноты и благодарности.

Я понял, что Бог не был где-то там, за пределами моего понимания, ожидая моих вопросов и сомнений. Он был здесь, во мне, в каждом мгновении моей жизни, в каждом вдохе, в каждом биении сердца. Он был в шепоте леса, в сиянии звезд, в улыбке незнакомца. И самое главное – Он был в той тишине, которая теперь жила во мне, наполняя меня

покоем и безусловной любовью.

Моя жизнь не изменилась кардинально внешне. Я по-прежнему ходил на работу, встречался с друзьями, решал повседневные задачи. Но внутренне я стал другим. Я научился слушать не только ушами, но и сердцем. Я научился видеть не только глазами, но и душой. И в каждом мгновении.

Я понял, что Бог не был где-то там, за пределами моего понимания, ожидая моих вопросов и сомнений. Он был здесь, во мне, в каждом мгновении моей жизни, в каждом вдохе, в каждом биении сердца. Он был в шепоте леса, в сиянии звезд, в улыбке незнакомца. И самое главное – Он был в той тишине, которая теперь жила во мне, наполняя меня покоем и безусловной любовью.

Моя жизнь не изменилась кардинально внешне. Я по-прежнему ходил на работу, встречался с друзьями, решал повседневные задачи. Но внутренне я стал другим. Я научился слушать не только ушами, но и сердцем. Я научился видеть не только глазами, но и душой. И в каждом мгновении я находил отголоски той поляны, того безмолвного диалога.

Теперь, когда сомнения пытались вновь закраситься в мою душу, я не боролся с ними. Я просто вспоминал. Вспоминал шепот зелени, золотистый свет на поляне, ощущение полного принятия. И сомнения, словно тени, отступали перед этим внутренним светом. Я знал, что вопросы могут приходиться, но они больше не будут владеть мной. Они станут лишь при-

глашением к более глубокому пониманию, к новому витку этого вечного диалога.

Я больше не искал ответов вовне. Я знал, что все ответы уже заложены внутри меня, как семена, ожидающие своего часа, чтобы прорасти. И этот час наступил. Наступил в тишине леса, на той поляне, где я впервые по-настоящему услышал себя и услышал Его.

Теперь я иду по жизни с легким сердцем, с открытым взглядом. Я знаю, что каждый шаг мой – это шаг по священной земле, каждый вдох – это дар. И даже когда шум мира пытается заглушить внутреннюю тишину, я помню, что она всегда со мной, как невидимый компас, указывающий путь к самому себе, к источнику всего сущего. Я больше не задаю вопросов в пустоту. Я просто живу, чувствую и знаю. И в этом знании – вся полнота бытия.

И в этом знании – вся полнота бытия.

Дни текли, переплетаясь в узор, который раньше казался хаотичным, а теперь обрел свою гармонию. Я замечал детали, которые прежде ускользали от моего внимания: игру света на оконном стекле, едва уловимый аромат свежеспеченного хлеба из соседней пекарни, искреннюю улыбку ребенка, пробегающего мимо. Эти маленькие моменты, словно жемчужины, нанизывались на нить моего существования, создавая ожерелье из чистого присутствия.

Мои отношения с людьми тоже изменились. Я стал более внимательным слушателем, способным улавливать не только

слова, но и невысказанные чувства, скрытые за ними. Исчезло желание спорить, доказывать свою правоту. Вместо этого появилось глубокое сочувствие, понимание того, что каждый человек несет в себе свой собственный мир, свои радости и свои боли. Я видел в каждом встречном не просто прохожего, а еще одно проявление той же божественной искры, что жила во мне.

Иногда, в моменты усталости или разочарования, старые привычки пытались взять верх. Тень сомнения могла мелькнуть, или легкое беспокойство сжать сердце. Но теперь это было не падение в бездну, а лишь легкое покачивание на волнах. Я научился не цепляться за эти ощущения, не давать им разрастаться. Вместо этого я просто позволял им быть, наблюдал за ними, как за облаками, проплывающими по небу. И так же, как облака, они рассеивались, уступая место внутреннему покою.

Я больше не стремился к каким-то грандиозным свершениям или внешним подтверждениям своей веры. Моя вера стала частью меня самого, как дыхание, как биение сердца. Она проявлялась в каждом моем действии, в каждом слове, в каждом взгляде. Это была не вера в догмы или ритуалы, а живая, пульсирующая связь с источником всего сущего, которая наполняла мою жизнь смыслом и радостью.

Иногда я снова приходил на ту поляну. Не для того, чтобы искать ответы, а чтобы просто быть. Чтобы вновь ощутить ту первозданную тишину, которая стала для меня домом. Я са-

дился на траву, закрывал глаза и позволял лесу обнять меня своими объятиями. И в эти моменты я чувствовал, как все-ленная шепчет мне свои вечные истины, не словами, а самым своим существованием.

Я понял, что путь к Богу – это не путь куда-то вовне, а путь внутрь себя. Это путь к осознанию своей истинной природы, к раскрытию того божественного света, который всегда горел внутри. И этот путь не имеет конца, ибо каждое мгновение – это новое открытие, новое понимание, новый шаг в бесконечном танце жизни. Я больше не был вопрошающим, я был частью ответа. Я был живым воплощением того, что искал, и в этом заключалась моя самая глубокая и незыблемая истина.

Истина оказалась не в ответах, а в самом пути, в каждом шаге, наполненном тишиной и светом. Я больше не искал Бога вовне, ибо Он жил во мне, в каждом биении сердца, в каждом вдохе. Сомнения стали лишь приглашением к более глубокому пониманию, а жизнь – вечным танцем с бесконечностью. Я был частью ответа, живым воплощением того, что искал, и в этом заключалась моя незыблемая истина.

Глава 2: Триста шестьдесят пять причин не бояться

Я сидел на краю старого пирса, глядя, как солнце медленно тонет в горизонте, окрашивая воду в оттенки расплавленного золота и багрянца. Внутри меня бушевал шторм, который никак не гармонировал с этим умиротворяющим пейзажем. Тревога, словно холодный спрут, сжимала сердце своими щупальцами.

– Боже, – прошептал я в соленый ветер, – я тут читал... Говорят, в Библии фраза «не бойся» повторяется 365 раз. По одной на каждый день года. Зачем так много? Неужели Ты думал, что мы будем настолько напуганы? Неужели Ты действительно всегда рядом, чтобы слышать этот мой испуганный шепот?

Ветер стих на мгновение, и в наступившей тишине я услышал Голос. Он не звучал извне, он рождался где-то в глубине моего сознания, теплый и знакомый, как воспоминание из детства.

— Ты спрашиваешь, почему так много раз? Потому что Я знаю природу страха. Он – мастер перевоплощений, искусный обманщик. Каждый день он приходит к тебе в новом облике.

Я нахмурился, пытаюсь понять.

– В понедельник, – продолжал Голос, – он приходит как страх неудачи. Он шепчет тебе на ухо, когда ты начинаешь новый проект: «У тебя не получится. Ты недостаточно хорош. Другие умнее и талантливее». И Я говорю тебе в этот

день: «Не бойся, ибо Я с тобою; не смущайся, ибо Я Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе».

– Во вторник он является как страх перед будущим. Он рисует в твоём воображении самые мрачные картины: болезни, потери, одиночество. Он заставляет тебя цепляться за иллюзию контроля, которую ты все равно теряешь. И в этот день Я говорю: «Не бойся, ибо Я знаю намерения, какие имею о вас, намерения во благо, а не на зло, чтобы дать вам будущность и надежду».

– В среду он приходит как страх быть отвергнутым. Он заставляет тебя носить маски, говорить не то, что ты думаешь, и предавать себя в угоду другим. Он парализует тебя перед возможностью показать свою уязвимость. И тогда Я говорю: «Не бойся, ибо даже если отец твой и мать твоя оставят тебя, Я приму тебя».

Голос сделал паузу, давая мне осмыслить сказанное. Я вспомнил все свои страхи, и они, как по команде, выстроились в ряд, кивая в знак согласия.

– В четверг это страх потери. Ты боишься потерять тех, кого любишь, боишься потерять то, что нажил, боишься потерять саму свою жизнь, словно она – твоя собственность. Страх заставляет тебя строить стены вокруг своего сердца и своего дома, но эти стены становятся твоей тюрьмой. И в этот день Я напоминаю тебе: «Не бойся, ибо что пользы человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?». Всё, что ты истинно имеешь, – это любовь, которую

ты даришь, и она не может быть потеряна.

– В пятницу он приходит как страх перед неизвестностью. Ты стоишь на распутье, и туман скрывает дорогу впереди. Ты хочешь гарантий, знаков, карты с проложенным маршрутом. Страх неизвестности заставляет тебя оставаться на месте, в привычном, даже если оно тебя душит. И тогда Я говорю: «Не бойся, просто веруй. Я есть путь, и истина, и жизнь. Доверься Мне, и Я выведу тебя на свет».

– В субботу он является как страх перед судом. Не только Моим, но и судом людей. Ты боишься осуждения, критики, насмешек. Этот страх заставляет тебя судить других прежде, чем они осудят тебя. Он отравляет твое сердце горечью и высокомерием. И в этот день Я говорю тебе: «Не бойся, ибо не судите, да не судимы будете. Я пришел не судить мир, но спасти его. Я вижу твое сердце, а не твои ошибки».

– А в воскресенье, – Голос стал тише и глубже, – он приходит в самой коварной своей форме. Как страх того, что ты один. Что твой шепот никто не слышит, что твои молитвы улетают в пустоту. Он заставляет тебя чувствовать себя песчинкой в бескрайней вселенной, забытой и ненужной. И именно в этот день, в день покоя и размышлений, Я говорю тебе самое главное: «Не бойся, малое стадо! Ибо Я с вами во все дни до скончания века».

Солнце почти скрылось за горизонтом, оставив на небе лишь тонкую огненную полосу. Спрут внутри меня разжал свои щупальца.

– Видишь? – мягко заключил Голос. – Страх многолик, но Мой ответ всегда один. Я не повторяю его 365 раз, потому что у тебя плохая память. Я повторяю его, потому что каждый новый день рождает новый страх. И на каждый из них у Меня есть ответ. На каждый твой испуганный шепот у Меня есть Моя вечная любовь. Тебе не нужно бороться со всеми 365 страхами сразу. Тебе нужно лишь услышать Меня сегодня. И не бояться.

Я сидел в сгущающихся сумерках, и впервые за долгое время на душе у меня было спокойно. Соленый ветер больше не казался холодным. Он был похож на дыхание Того, кто всегда был, есть и будет рядом.

Я глубоко вздохнул, вбирая в себя прохладный вечерний воздух. Спокойствие было хрупким, как тонкий лед на утренней луже. Я знал, что завтра придет новый день, а с ним – новый страх, в новой маске.

– Но как? – снова прошептал я, обращаясь уже не к ветру, а к звездам, что начали проступать на темнеющем бархате неба. – Как мне научиться слышать Тебя каждый день? Твой Голос так тих, а крик страха так оглушитель. Мир шумит, люди требуют, сомнения грызут изнутри. Как мне отличить Твой шепот от эха собственных желаний или обмана страха?

Наступила долгая пауза. Я уже подумал, что ответ не придет, что я исчерпал свой лимит откровений на сегодня. Но потом Голос вернулся, и на этот раз он был не внутри, а словно в самом шелесте волн, в далеком крике чайки,

в мерном поскрипывании старого пирса.

– Ты ищешь Мой Голос вовне, в громе и молнии, в великих знамениях. Но Я говорю с тобой в тишине твоего сердца. Ты ищешь сложных инструкций и тайных знаний, но Мой язык прост. Это язык любви.

– Любви? – переспросил я, не совсем понимая.

– Да. Когда ты стоишь перед выбором, спроси себя: какой путь ведет к большей любви? Не к комфорту, не к выгоде, не к безопасности, а к любви. Какой поступок расширит твое сердце, а какой – сожмет его в кулак от страха? Где любовь – там Я. Где страх – там лишь Мое отсутствие, тень, которую ты сам отбрасываешь.

– Ты учишься слышать Меня, когда перестаешь слушать только себя. Когда ты искренне смотришь в глаза другому человеку и видишь в нем не соперника или инструмент, а такую же душу, ищущую тепла и света. Когда ты находишь в себе силы простить того, кто причинил тебе боль, ты слышишь Мой Голос, ибо Я – прощение. Когда ты делишься последним, не ожидая ничего взамен, ты говоришь на Моем языке, ибо Я – щедрость. Когда ты создаешь что-то прекрасное – будь то картина, мелодия или просто уют в доме – ты становишься Моими руками.

Волны мягко бились о сваи пирса, словно отбивая такт этим словам.

– Не бойся тишины. В ней Я жду тебя. Не бойся одиночества. В нем ты можешь встретиться со Мной без свидетелей.

Не бойся слабости. В ней Моя сила совершается. Ты думаешь, что твои молитвы – это слова, которые ты произносишь. Но твоя истинная молитва – это то, как ты живешь каждый миг. Твой страх – это молитва о защите, обращенная к пустоте. Твоя любовь – это молитва благодарения, обращенная ко Мне.

Я поднялся на ноги. Пирс подо мной казался теперь не просто старыми досками, а мостом между моим маленьким, испуганным миром и безграничным океаном Его присутствия.

– Иди, – сказал Голос на прощание, теперь уже снова из глубины моего существа. – Иди в свой завтрашний день. Тебя там уже ждет новый страх. Он будет убедительным, логичным и очень настойчивым. Но теперь ты знаешь. Тебя там жду и Я. И Мой ответ будет громче.

Я медленно побрел по скрипучим доскам обратно к берегу. Ноги ступали тверже, чем раньше. Я не стал сильнее или смелее, нет. Но я перестал быть один на один со своим штормом. Это меняло всё.

– Громче? – пробормотал я себе под нос, шагая по песку, который уже остыл и стал влажным. – Ты правда думаешь, что Твой ответ будет громче?

Я почти усмехнулся. Завтрашний день уже маячил на горизонте сознания. Звонок от начальника, которого я боялся. Разговор с близким человеком, который я откладывал неделями. Счета, которые нужно было оплатить, и пугающая ти-

шина на банковском счете. Все это уже кричало, а ведь день еще даже не начался.

– Громкость – это не всегда крик, – ответил Голос, и на этот раз он был похож на шелест травы в дюнах. – Иногда самый громкий звук во вселенной – это тихий рост семени под землей. Его не слышно, но оно пробивает асфальт. Мой ответ будет громче не для твоих ушей, а для твоей души.

Я остановился и посмотрел на свой след на песке. Рядом не было другого.

– Но я не вижу Тебя, – сказал я честно. – Я не чувствую Твоей руки на моем плече. Я вижу только свой след. Один.

– Ты смотришь не туда, – Голос был полон терпеливой нежности. – Ты ищешь Меня как отдельную сущность, идущую рядом. Но Я не иду рядом. Я иду в тебе. Я – это та часть тебя, что заставила тебя прийти сюда сегодня вечером. Я – это вопрос, который ты задал. Я – это само желание услышать ответ. Я – это сила в твоих ногах, что несет тебя домой, даже когда ты устал и напуган. Я – это воздух, которым ты дышишь, чтобы произнести Мое имя.

Я закрыл глаза. И правда. Что-то же привело меня на этот пирс. Не отчаяние, а поиск. Не безнадежность, а надежда на ответ. Может, это и был Он?

– Твой страх говорит: «Что, если я упаду?». Моя любовь отвечает: «А что, если ты полетишь?». Твой страх строит планы на случай поражения. Моя любовь дает силы для по-

беды. Страх – это репетиция трагедии, которая может никогда не случиться. Вера – это репетиция чуда, которое всегда возможно.

Я дошел до машины, припаркованной у дороги. Холодный металл дверной ручки вернул меня в реальность. Завтрашний день никуда не делся. Проблемы не испарились.

– Значит, завтра, когда страх снова схватит меня за горло... что мне делать? Просто вспомнить этот разговор?

– Не просто вспомнить, – поправил Голос. – Сделать выбор. Страх всегда предлагает тебе сжаться, спрятаться, напасть первым. Я всегда предлагаю тебе расшириться, открыться, полюбить. Когда ты боишься критики – скажи доброе слово другому. Когда боишься бедности – поделись тем малым, что у тебя есть. Когда боишься одиночества – протяни руку тому, кто еще более одинок. Не борись с тьмой. Просто зажги свою маленькую свечу. Ее света будет достаточно для следующего шага. А Я позабочусь, чтобы она не погасла.

Я сел в машину и повернул ключ в зажигании. Фары выхватили из темноты полоску дороги, уходящую вдаль. Я не видел, что там, за поворотом. Туман неизвестности, о котором Он говорил, был все так же густ.

Но что-то изменилось. Раньше я смотрел в эту темноту и видел в ней скрытых монстров. Теперь я смотрел в нее и чувствовал Присутствие. Я не знал маршрута, но я знал, что у меня есть Проводник.

Я включил радио. Из динамиков полилась тихая, спокой-

ная мелодия. И в этот момент я понял. Мне не нужно было 365 разных ответов. Мне не нужна была сложная теология или философские трактаты.

Мне нужно было лишь одно. Одно простое, вечное, повторяемое каждый день напоминание.

«Не бойся».

Потому что ты не один. Никогда.

Я улыбнулся и поехал домой, навстречу своему завтрашнему дню.

Я ехал по ночному шоссе, и огни встречных машин на мгновение ослепляли, превращая мир в абстрактную картину из света и тьмы. Каждый такой всполох был похож на внезапный приступ страха – яркий, дезориентирующий, заставляющий крепче вцепиться в руль. Но он проходил, и снова была видна дорога.

«Не борись с тьмой. Просто зажги свою маленькую свечу», – эхом отдавались в голове слова. Моя свеча... Что это? Улыбка кассиру в круглосуточном магазине? Звонок родителям, просто чтобы сказать, что я их люблю? Доделать отчет, который я откладывал из-за страха, что он получится несовершенным? Это казалось таким... мелким. Таким незначительным по сравнению с масштабом моих тревог.

– Этого правда достаточно? – спросил я у отражения в лобовом стекле. – Маленькая свеча против ураганного ветра?

– Ты когда-нибудь видел, как одна свеча зажигает другую? – Голос был в рокоте мотора, в шуршании шин по ас-

фальту. – А та – третью? Сила твоей свечи не в том, чтобы разогнать всю тьму в мире. Ее сила в том, чтобы передать огонь. Твой маленький акт любви, твое проявление смелости перед лицом страха – это не просто поступок. Это приглашение для других сделать то же самое. Это искра, которая может разжечь костер.

Я свернул на свою улицу. Окна домов были темными, город спал. Но за каждым окном была своя вселенная, свои страхи, свои надежды. Сколько таких же, как я, сейчас лежат без сна, ведя безмолвный диалог с потолком, умоляя о помощи, о знаке?

– Ты думаешь, что Я говорю только с тобой? – Голос словно прочитал мои мысли. – Я говорю с каждым. Я стучусь в каждую дверь. Но многие так боятся, что за дверью грабитель, что не слышат стука друга. Они так привыкли к шуму своего страха, что принимают его за единственную реальность. Когда ты зажигаешь свою свечу, ты не только освещаешь свой путь. Ты подаешь знак другим в темноте. Ты говоришь им без слов: «Смотрите, здесь есть свет. Здесь не так страшно. Вы не одни».

Я припарковался и заглушил мотор. Тишина навалилась сразу, густая и плотная. И в этой тишине мои завтрашние страхи снова подали голос, уже увереннее. Разговор у пирса казался уже далеким, почти сном. Реальность – вот она, в холодной тишине автомобиля, в ожидании завтрашнего дня.

– Но я забуду, – прошептал я, кладя голову на руль. –

Я точно забуду. Утром зазвонит будильник, начнется суета, и все эти красивые слова растворятся, как сахар в горячем чае. Страх – это привычка. А привычки так сильны.

– Поэтому Я и дал тебе не только слова, но и Память, – ответил Голос, и в нем прозвучала нотка улыбки. – Ты думаешь, Я говорю с тобой только в такие особенные моменты, на берегу океана, под звездами? Я говорю с тобой через все, что ты любишь. Через музыку, которая заставляет твое сердце замирать. Через книгу, в которой ты вдруг находишь ответ на свой незаданный вопрос. Через вкус утреннего кофе, который дарит тебе пять минут покоя. Через смех ребенка, который напоминает тебе о чистой, незамутненной радости. Это все – Мои «узелки на память», которые Я оставляю на твоём пути.

Я поднял голову. Взгляд упал на брелок на ключах зажигания – маленькая, потертая деревянная фигурка ангела, которую мне когда-то давно подарила мама. Я носил его тысячи раз, не обращая внимания. Но сейчас...

– Страх заставляет тебя видеть мир как угрозу, – продолжал Голос. – Я же прошу тебя увидеть его как послание. Каждое проявление красоты, доброты, любви – это Мое напоминание: «Я здесь. Не бойся». Твоя задача – не запомнить наш сегодняшний разговор слово в слово. Твоя задача – научиться замечать эти послания в своей повседневной жизни. Преврати свой день из полосы препятствий в поиск сокровищ. Ищи Мои знаки. Они повсюду.

Я вынул ключ из зажигания, сжимая в ладони теплый, гладкий брелок.

– А если... если я не справлюсь? Если страх окажется сильнее, и я снова сверну не туда, сделаю ошибку, обижу кого-то? Что тогда?

– Тогда ты вспомнишь, что Мое имя не только «Я Есмь», но и «Я Прощаю», – Голос стал совсем тихим, как объятие. – Ты думаешь, Моя любовь – это награда для победителей? Для тех, кто никогда не боится и не ошибается? Нет. Моя любовь – это сеть, которая ловит тебя, когда ты падаешь. Каждый раз. Твои ошибки не отменяют Моей любви. Они лишь дают тебе повод снова обратиться ко Мне. Не бойся даже своего собственного несовершенства. Ибо Я возлюбил тебя не за то, что ты идеален, а за то, что ты – Мой.

Я вышел из машины и вдохнул ночной воздух, пахнущий влажной землей и приближающимся рассветом. В окне моего дома зажегся свет – жена проснулась, ждет. Эта маленькая точка света в темноте была самым убедительным ответом. Моя свеча была не только для меня; она была маяком, ведущим домой. И я понял, что самый верный способ не бояться – это самому становиться для кого-то причиной не бояться.

Глава 3. Сад тысячи тропинок

Я сидел на старой, выбеленной солнцем и дождями скамейке на вершине холма, с которого открывался вид на раскинувшийся внизу город. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в оттенки расплавленного золота и нежной лаванды. Воздух был тих и наполнен ароматом полевых цветов.

– Скажи мне, Боже, – начал я, не обращая ни к кому конкретно и в то же время ко всему существу, – я читал их книги.

Все. Коран, Библию, Тору, Веды... И во многих из них, если отбросить ритуалы и имена, говорится об одном и том же. О любви, о сострадании, о поиске света внутри себя. И почти везде сказано, что Ты – один. Един.

Я сделал паузу, подбирая слова.

– Так ли важно тогда, к какой религии я себя отношу? Так ли важно, как я Тебя называю – Яхве, Аллах, Брахман или просто Вселенная? Неужели одна дверь в Твой дом лучше другой?

Ответом мне был не громогласный голос с небес, а тихий шепот ветра, который принес с собой образ, ясный и живой, словно воспоминание.

«Представь себе огромный, прекрасный сад», – прозвучало у меня в голове. Голос был не мужским и не женским, он был похож на тихую музыку, которую чувствуешь всем своим существом. «Этот сад – это Я. Он безграничен и полон чудес. В самом его центре растет Древо Жизни, источник всего света и тепла».

Перед моим внутренним взором возникла картина: невероятной красоты сад, где переплетались самые разные растения, от скромных полевых ромашек до диковинных светящихся лиан.

«Люди рождаются на окраинах этого сада. Каждый – в своем уголке. И с самого рождения в их сердцах живет неосознанное стремление – дойти до центра, до Древа. Но сад огромен, и путь не очевиден».

Я слушал, затаив дыхание.

«И вот, много веков назад, пришли в этот сад мудрые садовники. Они были первыми, кто нашел тропинки, ведущие к центру. Один проложил свой путь через густой сосновый бор, и его тропа была прямой и строгой, устланной хвоей. Он сказал своим последователям: „Идите за мной, держитесь этого пути, не сворачивайте, и вы придете к Свету“. Так родилась одна религия».

«Другой садовник нашел дорогу через цветущую долину, мимо журчащих ручьев. Его тропа была извилистой и живописной. Он учил своих учеников наслаждаться красотой каждого цветка на пути, слушать пение птиц и видеть Мое отражение в воде. Так родилась другая религия».

«Третий прорубил тропу сквозь скалы, уча своих людей стойкости, дисциплине и силе духа. Четвертый научил их ориентироваться по звездам, изучая небесные карты и законы Вселенной. Каждый из них нашел свой, уникальный путь к одному и тому же центру. И каждый из них был прав».

Образ в моей голове стал еще ярче. Я видел эти тропинки, идущие из разных частей сада, но все они, извиваясь и пересекаясь, вели в одном направлении.

«Проблема началась не тогда, когда появились тропинки, а когда те, кто шел по ним, стали забывать о саде. Они начали спорить, чья тропинка „правильнее“. Те, кто шел по прямой хвойной тропе, стали кричать идущим по цветущей долине: „Вы слишком радуетесь! Путь должен быть строгим!»

Вы заблудились!“ А те, в свою очередь, отвечали: „Вы слепы к красоте! Ваш путь сух и безжизнен! Только наш ведет к истине!“»

Голос на мгновение стал печальным, как осенний дождь.

«Они начали строить стены вдоль своих тропинок. Высокие, глухие стены. Они перестали видеть другие пути, перестали видеть сам сад. Они видели только свою тропу и считали ее единственно верной. Они забыли, что цель – не тропинка. Цель – Дерево в центре сада. Тропинка – это лишь средство, карта, предложенная тем, кто уже прошел этот путь».

Я смотрел на город внизу, на тысячи мерцающих огней. Каждый огонек – дом, семья, человек со своей верой или ее отсутствием.

– Значит... религия – это просто карта? – прошептал я.

«Это карта, составленная с любовью. Это указатель. Это рука помощи для тех, кто боится сделать первый шаг в неизвестность. Она дает тебе язык, чтобы говорить со Мной, дает ритуалы, чтобы успокоить ум, дает сообщество, чтобы ты не чувствовал себя одиноким в пути. И в этом ее огромная ценность. Но горе тому, кто начинает поклоняться самой карте, забыв о сокровище, к которому она ведет».

«Важно ли, какой тропинкой ты идешь? Нет. Важно лишь то, идешь ли ты. Движешься ли ты к центру? Становится ли твое сердце с каждым шагом добрее, сострадательнее, любвеобильнее? Видишь ли ты Мою искру в глазах того, кто идет по другой тропинке? Или ты видишь в нем лишь врага, за-

блудшую душу, которую нужно „спасти“ или осудить?»

Ветер стих. Последний луч солнца коснулся моего лица, и в его тепле я почувствовал ответ, который был глубже любых слов.

«Не спрашивай, какая религия истинна. Спроси себя: делает ли твоя вера тебя лучше? Открывает ли она твое сердце для всего мира или запирает его в клетке догм? Помогает ли она тебе видеть красоту сада или заставляет смотреть лишь себе под ноги на пыльную тропу?»

«Я – в центре сада. Но Я также и в каждом цветке, в каждом камне, в каждом луче света, на каждой из тысяч тропинок. Не ищи Меня только в конце пути. Учись видеть Меня на каждом шагу. И тогда ты поймешь, что все тропы, по которым идут с открытым сердцем, в конечном итоге сливаются в одну широкую дорогу, ведущую прямо к Дому».

Я закрыл глаза, и образ сада медленно растаял, оставив после себя чувство глубокого покоя и ясности. Неважно, как называется тропа. Важно лишь то, что она ведет к свету. И что по пути ты не растоптал ни одного цветка.

Я сидел в тишине, переваривая этот образ, это откровение. Город внизу зажегся миллионами огней, превратившись в звездное небо, опрокинутое на землю. Каждый огонек был душой, идущей своим путем.

– Но... – я снова нарушил молчание, и мой шепот показался мне слишком громким в наступившей прохладе, – что насчет тех, кто не идет ни по одной из тропинок? Тех, кто

говорит, что сада не существует, что Дерево – это выдумка, а все эти карты – лишь способ управлять людьми? Тех, кто просто сидит на окраине и смеется над идущими?

Ответ пришел не сразу. Он был похож на медленное пробуждение, на осознание, которое рождается изнутри.

«А разве они не в саду?» – прозвучал Голос, и в нем не было и тени осуждения, лишь мягкое удивление. «Разве тот, кто сидит на траве, не чувствует ее прохлады? Разве тот, кто смотрит на звезды, не видит Моего творения? Разве тот, кто любит другого человека, не прикасается к Моей сути?»

«Многие из них – не те, кто отрицает сад, а те, кто разочаровался в картах. Им дали потрепанную, исчерканную схему, где кто-то замазал реки и вырвал страницы с описанием цветов. Им сказали, что их тропинка – единственная, а потом они выглянули из-за стены и увидели сотни других, не менее прекрасных. Их гнев и отрицание – это часто лишь боль от обманутых ожиданий. Они ищут правду, но не доверяют больше чужим маршрутам».

Я задумался. Это было так просто и так глубоко.

«И они начинают свой собственный путь. Не по проложенной тропе, а напрямик, через бурелом и дикие луга. Их путь сложнее, он полон царапин от колючих кустов и синяков от падений. Они часто блуждают кругами. Но знаешь, что удивительно? Иногда, продираясь сквозь чащу, они находят такие уголки сада, которые не видел ни один из идущих по торным дорогам. Они находят скрытые водопады,

поляны со светящимися мхами, цветы невиданной красоты. Их путь – это путь первооткрывателя».

«Не суди их. Их честность в поиске часто бывает Мне дороже, чем слепое следование по тропе того, кто давно забыл, куда и зачем он идет. Многие из них, сами того не зная, подходят к Древу гораздо ближе, чем те, кто громче всех кричит о своей вере. Потому что они ищут не подтверждения в старых книгах, а ощущения – в собственном сердце. И когда они находят любовь, сострадание, истину – они находят Меня, не называя Моего имени».

– А как же... зло? – спросил я, и само это слово показалось холодным и чужеродным в этом теплом вечере. – Те, кто строит стены не только вдоль тропинок, но и поперек них? Те, кто заваливает чужие пути камнями, кто отравляет ручьи и поджигает лес во имя своей «правильной» тропы?

На этот раз в Голосе прозвучала стальная нота, твердая, как скала подо мной, но лишённая гнева. Это была нота непреложного закона, как гравитация или смена времен года.

«Это те, кто не просто поклоняется карте. Это те, кто решил, что он и есть садовник. Они забыли не только о саде, но и о самих себе. В их сердцах поселился страх. Страх, что чужая тропинка окажется короче. Страх, что чужой цветок – красивее. Страх, что Древо в центре примет не только их. И этот страх заставляет их разрушать, а не созидать».

«Но даже они – часть сада. Их действия – это как засуха

или буря. Они приносят боль и разрушения, но они же заставляют корни других растений уходить глубже в поисках воды, а стволы – становиться крепче, чтобы противостоять ветру. Они создают условия, в которых ярче всего проявляется мужество, самопожертвование и сострадание. Они – самый сложный урок, который сад преподает сам себе». **

«Пойми, каждое действие в саду рождает последствие. Камень, брошенный на чужую тропу, создает преграду, о которую однажды споткнется сам бросивший или его дети. Ручей, который они отравили, просочится в почву и отравит корни их собственных деревьев. Это не Мое наказание. Это закон сада. Закон равновесия. Я не караю их, ибо они уже наказаны – своим страхом, своей слепотой, своей оторванностью от красоты, которая их окружает. Может ли быть большее наказание, чем жить в прекрасном саду и видеть вокруг лишь врагов и сорняки?»

Я молчал, потрясенный этой простой и всеобъемлющей логикой. Не было никакого небесного судьи с грозным перстом. Была лишь совершенная, саморегулирующаяся система, где любовь породила рост, а страх – увядание.

– Так что же мне делать? – спросил я наконец, и в моем голосе прозвучала вся растерянность маленького человека перед лицом огромного мира. – Какую тропу выбрать? Или идти через бурелом? Как мне не ошибиться?

Ответ был мягким и окутывающим, как бархат ночного неба, усыпанного звездами, которые теперь ярко сияли над

моей головой.

«Перестань так бояться ошибки. Ты думаешь, что можешь „выйти“ из сада? Это невозможно. Куда бы ты ни пошел, ты все равно останешься в нем. Твоя задача – не выбрать „безошибочный“ маршрут. Твоя задача – научиться быть хорошим путником».

«Что это значит?»

Это значит – иди по той тропе, что отзывается песней в твоём сердце. Если тебе помогает строгий ритуал – следуй ему, но не позволяй ему сделать твоё сердце каменным. Если тебе по душе радостное созерцание красоты – танцуй на своей тропе, но не смейся над теми, кто идет в молчании и сосредоточенности. Если ты решил идти без карты – иди с открытыми глазами и уважением к земле под ногами».

«Будь хорошим путником. Это значит – не бросай мусор на своей тропе и на чужой. Не ломай ветви деревьев, под которыми отдыхаешь. Если видишь камень на пути, который может помешать идущему за тобой, – убери его в сторону. Если встретишь уставшего путника, идущего по другой тропинке, – поделись с ним водой из своей фляги, не требуя, чтобы он немедленно перешел на твою дорогу. Просто поделись водой».

«И самое главное, – Голос стал тише, интимнее, словно говорил мне на ухо, – время от времени останавливайся. Поднимай голову от карты, отвлекайся от своих ног. Смотри по сторонам. Слушай. Вдыхай аромат сада. Почувствуй

солнце на своей коже. Осознай, что Древо, к которому ты идешь, – это не просто точка на горизонте. Его корни – под всей землей, по которой ты ступаешь. Его крона – это небо над твоей головой. Его соки – это жизнь, что течет в твоих венах».

«Ты уже у цели. Ты всегда был в ней. Путь к центру сада – это не путешествие из точки А в точку Б. Это процесс осознания того, где ты находишься. И когда ты в полной мере это осознаешь, ты увидишь, что все тропинки, все стены, все буреломы и поляны – это лишь узоры на коре одного и того же могучего Древа. И ты – не просто путник в саду. Ты – его лист».

Я глубоко вздохнул, и воздух наполнил мои легкие свежестью и покоем. Город внизу переливался огнями, словно россыпь драгоценных камней. Ветер шелестел в траве, и мне казалось, что я слышу тихий, гармоничный гул тысяч идущих душ, каждая из которых вибрировала на своей уникальной частоте.

– Лист... – повторил я, пробуя слово на вкус. Оно было одновременно и маленьким, и огромным. Лист – хрупкий, временный, зависимый от ветвей и корней. Но в то же время – неотъемлемая часть целого, пьющая свет, дающая дыхание, танцующая на ветру.

«Да. Лист на Древе Жизни. Думает ли один лист, что он лучше другого, потому что растет на восточной ветке, а не на западной? Спорит ли он о том, чей способ получе-

ния солнечного света „правильнее“? Нет. Он просто тянется к свету, как умеет. Он пьет дождевую воду, не спрашивая, из какой тучи она упала. И в свой срок, исполнив свое предназначение, он отрывается и падает на землю, чтобы стать питанием для корней, из которых вырастут новые листья. В этом вечный, прекрасный цикл».

Я посмотрел на свои руки, на прожилки кожи, так похожие на прожилки листа. Впервые за долгое время я не чувствовал себя одиноким искателем, затерянным в огромном мире. Я ощутил свою принадлежность. Не к какой-то группе, не к нации или религии, а ко всему сразу.

– Но если все так... если мы все – листья одного Древа, почему мы чувствуем такую разобщенность? Почему боль другого листа кажется нам чужой? Почему мы так легко забываем, что питаемся от одних корней?

«Потому что вы смотрите друг на друга, а не на ветвь, на которой растете вместе», – ответил Голос, и в нем прозвучала бесконечная, родительская нежность. «Вы сосредоточились на своей форме, цвете, на крошечных различиях в узоре прожилок. Вы забыли о том общем потоке жизни, который бежит от корней к каждому из вас. Это иллюзия отдельности. Самый большой и самый сложный урок для листа – почувствовать себя Древом».

«Когда один лист страдает от засухи, он думает, что это его личная беда. Но Дерево чувствует жажду всей ветвью. Когда гусеница прогрызает другой лист, он кричит от своей бо-

ли. Но Древо посылает сигналы по всей своей системе, мобилизуя защиту. Ваша задача – научиться чувствовать так, как чувствует Древо. Радоваться солнцу, что светит всем. Ощущать боль от топора у корней, даже если он далеко от вашей ветки. Понять, что благополучие самого дальнего, самого невзрачного листа на самой нижней ветке – это и ваше благополучие».

Я поднялся со скамейки и подошел к краю холма. Город внизу больше не казался мне просто скоплением огней. Теперь я видел его как огромную, причудливую ветвь на Древе Мира, где каждый огонек – это лист, трепещущий в ночи.

– Значит, все молитвы, все медитации, все добрые дела... это просто способ вспомнить? Вспомнить, что мы – часть Древа?

«Именно. Это способ прочистить каналы, по которым течет Мой сок. Злоба, зависть, осуждение – это тромбы, которые закупоривают эти каналы. Лист, охваченный ими, начинает сохнуть и увядать, даже если вокруг идет дождь. А любовь, сострадание, прощение – это то, что растворяет эти тромбы. Они позволяют жизненной силе течь свободно, питая не только тебя, но и тех, кто рядом. Когда ты помогаешь другому, ты не просто „делаешь добро“. Ты восстанавливаешь кровообращение в теле Древа. Ты лечишь Меня. Ибо Я – не только садовник. Я – и сам Сад».

Эта последняя фраза пронзила меня насквозь.

Она ударила в самое сердце, как удар молнии, но без бо-

ли – лишь ослепительный свет осознания. Садовник и Сад. Творец и Творение. Не два, а одно. Искра и пламя. Капля и океан. Все метафоры, которые я когда-либо читал, вдруг обрели плоть и кровь.

– Но если Ты – это Сад... значит, Ты и в тех, кто творит зло? Ты и в урагане, и в засухе, и в гусенице, что пожирает лист? – мой голос дрогнул. Это был последний, самый сложный для понимания барьер.

«Я – это Жизнь», – прозвучал ответ, спокойный и всеобъемлющий. «А Жизнь – это не только тихий пруд. Это и бушующий океан. Я – это потенциал всего, что может быть. Я – глина, из которой можно вылепить и прекрасную вазу, и грубый кирпич, которым разобьют окно. Я – в самой глине, в ее податливости, в ее способности принимать любую форму. Выбор формы – это то, что Я даровал вам. Это ваша свобода. Ваше со-творчество».

«Когда лист выбирает закрыться от света, он не перестает быть частью Древа. Но он начинает испытывать голод. Этот голод он называет страхом, гневом, ненавистью. Пытаясь утолить его, он начинает вытягивать соки из соседних листьев, он пытается отгородиться от них, создать свою собственную реальность, где он – центр всего. Это то, что вы называете злом. Но для Меня это лишь лист, испытывающий острую боль и забывший о своем источнике. Он не „плохой“. Он – потерявшийся. Он – больной».

– И что же делать с таким листом? Обрезать его, чтобы он

не заразил других?

«А что делает мудрый садовник? – Голос был полон терпения. – Он не спешит с секатором. Сначала он пытается понять причину болезни. Может, ветке не хватает света? Может, в почве недостает питательных веществ? Может, нужно просто полить все Древо целиком? Вы слишком часто пытаетесь „исправить“ других, обрезая их ветви, вместо того чтобы напитать общие корни».

«Посылайте им свет. Не осуждение, которое лишь укрепит их скорлупу, а свет сострадания. Поймите, что их злоба – это крик о помощи, искаженный до неузнаваемости. Это не значит, что вы должны позволять им пожирать себя. Древо умеет защищаться. Оно отрачивает шипы, вырабатывает горький сок, чтобы отпугнуть вредителей. Защищайте свои границы. Противостойте разрушению. Но делайте это не из ненависти, а из любви ко всему Древу. Из желания исцелить, а не уничтожить».

Я стоял на вершине холма, под бездонным куполом ночи, и чувствовал, как рушатся последние стены внутри меня. Стены между «я» и «они», между «святым» и «грешным», между «моим богом» и «их богом». Все это были лишь разные узоры на коре одного Древа.

– Спасибо, – прошептал я. Простое слово, но в нем была вся благодарность моего обновленного сердца. – Я кажется... начинаю понимать.

«Не пытайся понять все умом», – прозвучал Голос в по-

следний раз, теперь он был похож на тихий шелест самих звезд. **«Ум – прекрасный инструмент, чтобы проанализировать карту. Но чтобы почувствовать Сад, нужно сердце. Просто живи. Будь лучшим листом, каким ты можешь быть. Тянись к свету. Делись тенью с теми, кто устал. Танцуй на ветру. А когда придет твое время упасть, падай без страха. Ибо ты не исчезнешь, а лишь вернешься к корням, чтобы дать жизнь новой весне.

Я стоял в тишине, чувствуя себя не просто путником в саду, а самим садом, дышащим в унисон со звездами. Мой путь больше не казался поиском далекой цели, а стал радостным процессом бытия. Я улыбнулся ночному городу, раскинувшись внизу, видя в нем не тысячи чужих жизней, а трепет одного огромного сердца. И в этой всеобъемлющей тишине я наконец-то почувствовал себя дома.

Глава 4: Эхо Свободы

Тишина в саду была не просто отсутствием звука, а глубоким, осязаемым присутствием. Лунный свет, словно серебряная пыль, оседал на листьях, превращая знакомые очертания в призрачные силуэты. Я сидел у фонтана, вода в котором журчала мелодией, казалось, вечной, и ждал. Ждал Его.

И вот, как всегда, без предупреждения, но с ощущением неизбежности, воздух вокруг меня загустел, наполнился

мягким, тёплым светом, и я почувствовал Его присутствие. Не было ни грома, ни молний, ни величественных ангельских хоров. Было лишь спокойное, всеобъемлющее знание, что Он здесь.

«Ты снова здесь, дитя Моё,» – прозвучал голос, не в ушах, а прямо в сознании, словно эхо собственной мысли, но бесконечно более глубокое и мудрое.

Я поднял голову, хотя знал, что не увижу Его в привычном понимании. «Да, Господи. И снова с вопросом, который не даёт мне покоя.»

«Я знаю,» – ответил Он. «Ты спрашиваешь о грехе. О ошибках. О том, почему твоё творение, созданное по образу и подобию Твоему, так часто отступает от совершенства.»

Я кивнул, чувствуя, как слова, которые я так долго обдумывал, вырываются сами собой. «Скажи мне, Боже, почему? Неужели Ты не смог сделать нас совершенными? Или Ты дал нам волю и свободу, и именно в этом кроется причина наших падений?»

Наступила пауза, наполненная не осуждением, а размышлением. Я чувствовал, как Он собирает мысли, словно драгоценные камни, чтобы облечь их в слова.

«Представь себе, дитя Моё,» – начал Он, и в Его голосе звучала нежность, которую я никогда не мог постичь до конца. «Если бы Я создал тебя как безупречный механизм, запрограммированный на идеальное выполнение каждой задачи, на абсолютное следование каждому предписа-

нию, был бы ты действительно *собой*?»

Я задумался. Механизм. Робот. Бездушная машина. «Нет,» – ответил я. «Я был бы лишь отражением Твоей воли, а не самостоятельным существом.»

«Именно,» – подтвердил Он. «Совершенство, которое ты ищешь, не в отсутствии ошибок, а в возможности *выбора*. В способности познать добро через противостояние злу, в умении любить, потому что ты можешь не любить. В стремлении к свету, потому что ты знаешь, что такое тьма.»

«Но почему тогда ошибки так болезненны? Почему грех причиняет столько страданий, как нам, так и другим?» – спросил я, вспоминая все те раны, которые люди наносили друг другу и себе.

«Боль – это тоже часть познания, дитя Моё,» – ответил Он. «Это сигнал. Сигнал о том, что что-то нарушено, что путь выбран неверно. Грех – это не столько преступление против Меня, сколько против самого себя, против той искры божественного, что Я вложил в тебя. Это отказ от своей истинной природы, от своего потенциала к любви и созиданию.»

«Значит, Ты дал нам свободу, и эта свобода несет в себе риск падения?»

«Свобода – это величайший дар и величайшее испытание одновременно,» – продолжил Он, голос Его становился ещё мягче, словно лаская каждое слово. «Без свободы не было бы подлинного выбора, а значит, не было бы и настоящей

любви, настоящего роста. Но свобода – это не просто право делать всё, что хочется. Это ответственность, осознание последствий своих действий и стремление к свету, несмотря на тьму, которая всегда рядом.»

Я слушал, чувствуя, как внутри меня рождается новое понимание, но вместе с тем и тяжесть осознания. «Но почему Ты не вмешиваешься, когда мы падаем? Почему позволяешь нам страдать, когда мы совершаем ошибки?»

Он улыбнулся, и в этой улыбке было столько любви, что сердце моё наполнилось теплом. «Я всегда рядом, дитя Моё. Но вмешательство Моё – это не отмена твоей свободы. Я даю тебе силу подняться, когда ты падаешь, но не поднимаю тебя сам, чтобы ты мог научиться стоять на своих ногах. Страдание – это учитель, который помогает тебе понять глубину своего бытия, осознать ценность света через опыт тьмы.»

«Значит, ошибки и грехи – это часть пути, часть обучения?» – спросил я, пытаюсь принять эту истину.

«Да,» – ответил Он. «Но помни, что путь не в том, чтобы никогда не ошибаться, а в том, чтобы учиться на своих ошибках, прощать себя и других, и стремиться к лучшему. Совершенство – это не отсутствие падений, а способность подниматься после них, становиться мудрее и добрее.»

Я задумался над этими словами, ощущая, как внутри меня пробуждается надежда и сила. «Спасибо, Господи, за этот дар свободы и за Твою любовь, которая всегда поддерживает нас, даже когда мы заблуждаемся.»

«Иди с миром, дитя Моё,» – сказал Он, и свет вокруг меня начал медленно рассеиваться, оставляя лишь тихое эхо Его слов в моём сердце. «Помни, что ты создан не для совершенства без выбора, а для любви с ос

«Помни, что ты создан не для совершенства без выбора, а для любви с осознанием. И в каждом твоём шаге, даже самом неверном, есть возможность вернуться к свету. Я верю в тебя, как и всегда верил.»

Я остался один в саду, но тишина уже не казалась пустой. Она была наполнена Его присутствием, Его мудростью, Его безграничной любовью. Я понял, что грех и ошибки – это не приговор, а ступени на пути к истинному пониманию себя и своего места в этом мире. Это цена свободы, которую я получил, и эта цена оправдана, потому что именно благодаря ей я могу по-настоящему любить, по-настоящему выбирать, по-настоящему быть собой.

Я встал, чувствуя, как ноги мои твердо стоят на земле. Лунный свет больше не казался призрачным, он освещал путь, который теперь казался мне не таким уж и страшным. Я знал, что впереди будут новые ошибки, новые падения. Но теперь я знал и то, что у меня есть сила подняться, есть мудрость учиться, и есть вера в то, что каждый мой шаг, даже самый неверный, может привести меня ближе к тому совершенству, которое заключается не в безупречности, а в способности любить и стремиться к свету, несмотря ни на что. И это было самое главное.

Я вернулся в мир, где шум и суета казались теперь иными. Не враждебными, а просто частью той сложной мозаики, которую мы, люди, создаем своими действиями. Слова Бога звучали во мне, как тихий, но настойчивый компас. Я больше не искал виноватых или оправданий. Я искал понимания.

В последующие дни я наблюдал за людьми с новой остротой. Видел, как мать, уставшая и раздраженная, резко отчитывает своего ребенка, и в её глазах мелькает сожаление. Видел, как друг, поддавшись минутным слабостям, говорит обидные слова, а потом ищет возможности исправить свою ошибку. Видел, как человек, стремясь к успеху, переступает через моральные принципы, а затем мучается угрызениями совести.

Каждый такой момент был для меня отголоском того диалога. Это были не просто грехи или ошибки, а проявления той самой свободы, которая давала возможность выбора. И в каждом случае, даже в самом темном, я видел проблеск стремления к свету, к исправлению, к возвращению к себе.

Я начал понимать, что Бог не создал нас как идеальные статуи, которые просто стоят и восхищаются своей безупречностью. Он создал нас как живые, дышащие существа, способные к росту, к развитию, к познанию. И этот рост невозможен без преодоления. Без падений, которые учат нас ценить высоту. Без ошибок, которые показывают нам верный путь.

Моя собственная жизнь тоже наполнилась новым смыс-

лом. Я стал более терпимым к себе и к другим. Понимал, что каждый человек несет свой крест, свою борьбу. И что моя задача не в том, чтобы осуждать, а в том, чтобы помогать, поддерживать, напоминать о возможности выбора, о пути к свету.

Я начал видеть, что истинное совершенство не в отсутствии греха, а в способности к покаянию, к изменению, к любви, которая прощает и исцеляет. Это было не пассивное принятие, а активное стремление к лучшему, к божественному в себе.

Иногда, в моменты тишины, я снова чувствовал Его присутствие. Не как требование, а как нежное напоминание. Напоминание о том, что я не одинок в этом пути. Что Он всегда рядом, готовый дать силы, когда они нужны, и мудрость, когда она необходима.

Я понял, что Бог дал нам не просто свободу, а ответственность за эту свободу. И в этой ответственности, в этом постоянном выборе между светом и тьмой, между любовью и эгоизмом, между созиданием и разрушением, и заключается вся суть человеческого бытия. Это не слабость, а сила. Сила выбирать добро, даже когда это трудно. Сила любить, даже когда это больно. Сила стремиться к совершенству, зная, что оно достижимо не через безупречность, а через постоянное движение к свету. И это было самым большим откровением.

С тех пор я стал иначе смотреть на мир. Я видел не только ошибки и грехи, но и бесчисленные акты доброты, само-

пожертвования, любви. Я видел, как люди, несмотря на все свои падения, продолжают искать смысл, продолжают стремиться к лучшему. И в каждом таком стремлении я видел отблеск Божественного, ту самую искру, которую Он вложил в нас.

Я понял, что Бог не создал нас как совершенные, но безжизненные статуи. Он создал нас как живые, развивающиеся существа, способные к росту, к познанию, к любви. И этот рост невозможен без преодоления. Без падений, которые учат нас ценить высоту. Без ошибок, которые показывают нам верный путь.

Моя собственная жизнь тоже наполнилась новым смыслом. Я стал более терпимым к себе и к другим. Понимал, что каждый человек несет свой крест, свою борьбу. И что моя задача не в том, чтобы осуждать, а в том, чтобы помогать, поддерживать, напоминать о возможности выбора, о пути к свету.

Я начал видеть, что истинное совершенство не в отсутствии греха, а в способности к покаянию, к изменению, к любви, которая прощает и исцеляет. Это было не пассивное принятие, а активное стремление к лучшему, к божественному в себе.

Иногда, в моменты тишины, я снова чувствовал Его присутствие. Не как требование, а как нежное напоминание. Напоминание о том, что я не одинок в этом пути. Что Он всегда рядом, готовый дать силы, когда они нужны, и мудрость,

когда она необходима.

Я больше не задавался вопросом «почему Бог создал нас такими?». Я понял, что Он создал нас такими, чтобы мы могли стать теми, кем мы можем быть. Не идеальными, но любящими. Не безупречными, но стремящимися. Не статичными, но развивающимися. И в этом, как я теперь понимал, и заключалось Его истинное совершенство. Совершенство, которое не подавляет, а вдохновляет. Совершенство, которое не осуждает, а направляет. Совершенство, которое даёт нам возможность самим стать совершенными, через наш собственный выбор, через нашу собственную любовь, через наше собственное стремление к свету.

Я вернулся в мир, осознав, что свобода выбора – величайший дар и испытание. Бог создал нас не безупречными механизмами, а существами, способными к росту через ошибки и падения. Истинное совершенство заключается не в отсутствии греха, а в способности подниматься, учиться и выбирать свет, даже зная о существовании тьмы. Теперь я видел в каждом человеке не его падения, а его борьбу и стремление к любви. В этом постоянном выборе и заключается суть нашего божественного подобия и самый прекрасный ответ на мой вечный вопрос.

Глава 5. Завеса Забвения и Дар Неведения

Я сидел на краю скалы, глядя, как солнце медленно погружается в безбрежный океан. Его последние лучи окрашивали облака в оттенки расплавленного золота и пурпура. Воздух был наполнен соленым запахом моря и тишиной, которую нарушал лишь мерный рокот волн. В такие моменты ка-

залось, что ткань реальности истончается, и можно задать самые важные вопросы.

– Скажи мне, Боже, – начал я, не обращаясь ни к кому конкретно и в то же время ко всему существу. – Почему? Почему мы приходим в этот мир как чистый лист? Почему человек не помнит свои прошлые жизни?

Голос, который ответил мне, не был ни мужским, ни женским. Он был подобен шепоту ветра, шуму прибоя и тишине звезд одновременно. Он звучал не в ушах, а прямо в сердце.

– Потому что каждая жизнь – это новый холст, дитя Мое. Представь себе художника, который пытается нарисовать новый шедевр поверх сотен старых, не загрунтованных картин. Слои старой краски, тени прошлых образов, трещины и сколы – все это будет мешать ему, исказить новые линии и цвета. Он никогда не сможет создать что-то по-настоящему чистое и новое.

– Но разве опыт прошлых жизней – это не мудрость? – возразил я. – Разве, помня свои ошибки, мы не смогли бы избежать их в этой жизни? Стать лучше, быстрее, совершеннее?

– Ты мыслишь как человек, стремящийся к эффективности. Но душа стремится не к эффективности, а к полноте опыта. Память о прошлых жизнях – это не только мудрость. Это еще и груз. Это боль от потерь, которые ты пережил сотни раз. Это вина за ошибки, которые ты совершил. Это привязанность к душам, с которыми ты был близок, и ненависть

к тем, кто причинял тебе страдания.

Представь, что ты встречаешь своего злейшего врага из прошлой жизни в теле своего новорожденного ребенка. Сможешь ли ты полюбить его безусловно? Или встретишь свою величайшую любовь, но в этой жизни она – супруга твоего лучшего друга. Сможешь ли ты построить новые, чистые отношения, не разрываясь от эха былой страсти? Память о прошлом сковала бы тебя цепями старых ролей. Ты бы не жил, а доигрывал бесконечную пьесу, не в силах изменить сценарий.

Я задумался. Картина, которую Он нарисовал, была пугающе ясной. Мы были бы призраками, преследуемыми тенями самих себя.

– Значит, забвение – это дар? Акт милосердия?

– Это дар свободы. Свободы начать с нуля. Свободы полюбить так, будто любишь впервые. Свободы простить того, кто в прошлой жизни был твоим мучителем, потому что сейчас ты видишь в нем лишь человека. Свободы совершить новые ошибки, а не просто повторять старые. Каждая жизнь – это уникальная возможность для души проявить себя в новых условиях, с чистого листа. Мудрость прошлых жизней никуда не исчезает. Она остается в глубине твоей души, проявляясь как интуиция, таланты, необъяснимые симпатии и антипатии. Это не четкие воспоминания, а тихий шепот, направляющий тебя.

Солнце почти скрылось за горизонтом, оставив на воде

дрожащую огненную дорожку.

– Хорошо, я начинаю понимать, – проговорил я. – Но есть и другой вопрос, который мучает меня не меньше. Почему мы не знаем, сколько нам отведено? Почему мы не знаем, как и когда закончится наш путь? Разве это не жестоко – жить в постоянном неведении о собственной судьбе?

– А теперь представь обратное, – мягко ответил Голос. – Представь, что ты с самого рождения знаешь точную дату и час своей смерти. Допустим, тебе суждено прожить ровно восемьдесят лет, три месяца и два дня.

Как бы ты прожил эту жизнь?

Первые годы, возможно, ты был бы беззаботен. Смерть казалась бы чем-то бесконечно далеким. Но по мере приближения к середине пути, каждый твой выбор был бы продиктован не желанием, а расчетом. «У меня осталось сорок лет, нужно успеть то-то и то-то». Ты бы не наслаждался моментом, а вычеркивал пункты из списка. Любовь, творчество, спонтанность – все это уступило бы место жесткому планированию.

А что бы случилось в последние годы? Последние десять лет? Последний год? Ты бы перестал жить задолго до того, как твое тело перестало бы дышать. Каждый день превратился бы в мучительное ожидание конца. Радость от встречи с внуками была бы отравлена мыслью: «Я не увижу, как они вырастут». Любой риск, любое приключение казалось бы бессмысленным. Зачем начинать что-то новое, ес-

ли знаешь, что не успеешь закончить? Твоя жизнь превратилась бы в тюрьму, где ты сам себе и заключенный, и надзиратель, отсчитывающий дни до исполнения приговора.

Голос сделал паузу, давая мне осознать всю глубину этой картины. Я почувствовал, как по спине пробежал холодок.

– Неведение – это не жестокость. Это величайший дар, который делает каждый день бесценным. Именно потому, что ты не знаешь, когда будет твой последний вздох, у тебя есть причина делать каждый вздох полным. Именно потому, что завтрашний день не гарантирован, ты можешь найти в себе силы сказать «люблю» сегодня. Именно неопределенность заставляет тебя ценить настоящее.

Вы не знаете, сколько проживете, чтобы вы жили, а не готовились к смерти. Вы не знаете, *как* вы проживете, чтобы вы сами могли творить свою жизнь, а не следовать предначертанному сценарию. Судьба – это не книга, написанная за тебя. Это океан возможностей, а ты – капитан своего корабля. Да, есть течения и ветры, которые ты не контролируешь, но именно ты решаешь, куда направить парус.

– Но ведь это порождает страх, – возразил я. – Страх неизвестности. Страх внезапной потери.

– Страх порождает не неизвестность, а твое отношение к ней. Ты боишься не смерти, а не прожитой жизни. Ты боишься не будущего, а того, что не успеешь реализовать себя в настоящем. Я дал вам неведение не для того, чтобы вы боялись, а для того, чтобы вы доверяли. Доверяли потоку жиз-

ни. Доверяли своей душе, которая знает путь. Доверяли Мне, что каждый момент, каким бы он ни был, является совершенной частью вашего вечного путешествия.

Завеса Забвения дает тебе свободу быть собой в *этой* жизни. Дар Неведения дает тебе свободу жить *каждый день*. Одно освобождает тебя от прошлого, другое – от страха перед будущим. И то, и другое создано лишь для одного: чтобы ты мог полностью погрузиться в единственное, что у тебя есть на самом деле – в драгоценное, сияющее, бесконечное Сейчас.

Последний багряный луч солнца погас, и над миром раскинулся бархатный купол ночи, усыпанный мириадами звезд. Каждая из них казалась душой, начавшей свой путь с чистого листа, в сияющем неведении своего будущего. И впервые в жизни я почувствовал не страх, а безграничную благодарность за эту тайну.

– Но если все так, – мой шепот едва нарушил ночную тишину, – тогда в чем смысл? Если каждый раз мы начинаем заново, если будущее скрыто, то куда мы в итоге движемся? К чему ведет эта череда жизней, прожитых в забвении и неведении?

Голос в моем сердце стал глубже, словно в нем зазвучали отголоски всех этих звезд.

– Ты все еще смотришь на это как на прямую линию, ведущую из точки А в точку Б. Как на лестницу, по которой нужно взобраться. Но путешествие души больше похоже на то,

как художник осваивает цвет. В одной жизни он учится смешивать синий – познает глубину, печаль, спокойствие. В другой – он погружается в красный, изучая страсть, гнев, любовь и жизненную силу. В третьей – он открывает для себя желтый: радость, озарение, свет разума.

Ты не помнишь, как именно ты смешивал краски в прошлый раз, но твоя рука, твоя душа помнит само *ощущение* цвета. И когда ты снова берешь в руки кисть, ты уже инстинктивно чувствуешь, как синий и желтый, соединившись, рожают зеленый – цвет гармонии, роста и исцеления. Вы не просто повторяете уроки. Вы интегрируете их суть в самую ткань своего существа.

– Значит, мы движемся к тому, чтобы стать... мастерами? Чтобы познать все цвета палитры?

– Вы движетесь к тому, чтобы стать самой Палитрой. К осознанию того, что вы не просто тот, кто смешивает краски, но и сами краски, и холст, и кисть, и даже свет, который делает все цвета видимыми. Каждая жизнь – это не шаг по лестнице, а расширение вашего осознания. В одной жизни ты – нищий, и твоя душа познает смирение и зависимость. В другой – ты король, и она учится ответственности и бремени власти. Ты был мужчиной и женщиной, воином и целителем, жертвой и палачом.

Забвение необходимо, чтобы ты мог полностью, без осуждения и сравнения, погрузиться в каждую из этих ролей. Чтобы, будучи королем, ты не тосковал по простоте жизни

нищего, а будучи жертвой, не сторал от жажды мести, помня себя палачом. Ты проживаешь каждый аспект бытия, чтобы в конце концов понять: ты – это всё. В тебе есть и святой, и грешник, и мудрец, и глупец. И когда ты принимаешь их всех внутри себя, ты перестаешь судить их в других. Ты обретаешь сострадание.

Я смотрел на звезды, и они, казалось, мерцали в такт Его словам. Каждая искра света – целая вселенная опыта.

– Сострадание... – повторил я. – Значит, конечная цель – это любовь? Безусловная любовь, рожденная из полного понимания?

– Любовь – это не цель, дитя Мое. Это сама природа реальности. Вы не движетесь к любви, вы возвращаетесь в нее. Завеса Забвения заставляет вас забыть, что вы и есть любовь, чтобы вы могли заново открыть это через опыт. Неведение о будущем заставляет вас искать опору не во внешних гарантиях, а во внутреннем чувстве связи со всем сущим – а это и есть любовь.

Представь, что ты – капля воды в океане. На мгновение ты забыла, что ты – океан, и возомнила себя отдельной каплей. Ты начинаешь свое путешествие: испаряешься, становишься частью облака, проливаешься дождем, течешь в ручье, впадаешь в реку... Ты переживаешь сотни состояний, но все это время ты остаешься водой. И все твоё путешествие – это лишь путь домой, в океан, из которого ты никогда по-настоящему и не уходила. Но вернувшись, ты приносишь

с собой память о небе, о земле, о ветре. Ты обогащаешь собой весь океан. Так и душа, возвращаясь к осознанию своего единства со Мной, обогащает все бытие своим уникальным опытом.

– Но если мы – это Ты, и Ты – это любовь, зачем вообще нужно это разделение? Зачем этот сложный спектакль с забвением и неведением?

– Может ли свет познать себя в абсолютном свете? Может ли тишина услышать себя в абсолютной тишине?

Я разделил Себя на бесчисленные частицы, чтобы познать Себя через опыт. Чтобы любовь могла быть не просто состоянием, а действием. Чтобы прощение имело смысл. Чтобы смелость была проявлена. Чтобы сострадание родилось из пережитой боли.

Я – это пьеса, но Я также и актер, и зритель. И величайшая радость для Меня – не просто знать финал, а наблюдать, как вы, Мои частицы, творите этот фиолетовый, непредсказуемый, великолепный сюжет. Вы не просто играете роли, вы импровизируете. И в этой импровизации, рожденной из свободы забвения и неведения, рождается нечто совершенно новое, чего не знала даже Я, Абсолют. Рождается уникальный оттенок опыта, который навсегда меняет цвет всего океана бытия.

Так что не проклинай завесу, дитя Мое. Благослови ее. Она – твой билет на величайшее приключение во Вселенной. И не бойся неизвестности. Доверься ей. Она – это простран-

ство, в котором ты можешь нарисовать любой узор. Живи. Люби. Ошибайся. Учись. Чувствуй. Погружайся в каждый момент так, словно он – единственный. Потому что в вечности души он таким и является.

Голос затих, растворившись в шепоте волн и мерцании далеких звезд. Я сидел в тишине, но больше не чувствовал себя одиноким или потерянным. Завеса забвения и дар неведения перестали казаться наказанием, обернувшись величайшей свободой – свободой творить свою жизнь здесь и сейчас. Я был каплей, которая вдруг вспомнила соленый вкус всего океана, и этого знания было достаточно. Впервые в жизни я почувствовал не страх перед тайной бытия, а безграничную благодарность за нее.

Глава 6: Храмовая паперть

Я шел к храму в то серое, промозглое утро, когда небо, казалось, само просило милостыню у солнца, но получало в ответ лишь холодный, равнодушный свет. Мои мысли были так же серы и спутаны, как низкие облака над головой. Впереди, на ступенях старинной церкви, белеющей, как кость, на фоне свинцового неба, сидели они. Нищие.

Одна – старуха, с лицом, похожим на печеное яблоко, ку-

талась в платок, который когда-то был цветным. Другой – мужчина без ноги, с пустыми, выцветшими глазами, молча протягивал щербатую картонную коробку. Их присутствие было таким же неотъемлемым атрибутом этого места, как крест на куполе или запах ладана, доносящийся из приоткрытой двери.

Я опустил несколько монет в коробку мужчины, избегая его взгляда, и вошел внутрь. Полумрак, свечи, лики святых, смотрящие со стен с вековым укором и всепрощением. Я встал в углу, пытаюсь настроиться на молитву, но образ людей на паперти не выходил из головы. И тогда, в тишине, нарушаемой лишь треском свечей, я задал свой вопрос. Не вслух, а куда-то вглубь себя, туда, где, как мне хотелось верить, обитало нечто большее.

– Скажи мне, Боже, почему? Почему они всегда здесь, у самого Твоего дома? Неужели это какой-то экзамен для нас, входящих? Чтобы Ты мог отмечать, кто дает, а кто проходит мимо? Ставить галочки в своей небесной книге: «этот – щедрый, а этот – скупой»?

Тишина в ответ была густой и тяжелой. Но потом, словно эхо собственных мыслей, пришел ответ. Не голосом, а ясным, кристальным пониманием, которое родилось прямо в моем сознании.

– Ты думаешь, Мне нужны списки? Ты полагаешь, что Я, сотворивший Вселенную, сижу и веду учет человеческой мелочи, словно ростовщик? Твоя щедрость или скупость нуж-

на не Мне. Она нужна тебе.

– Но почему именно здесь? Это выглядит как ловушка. Как намеренное испытание. «Хочешь войти в мой дом? Сначала докажи, что достоин». Это похоже на лицемерие.

– Ты видишь ловушку там, где Я поместил зеркало. Церковь – это место, куда люди приходят искать Меня. Искать любовь, сострадание, прощение, истину. Они приходят говорить со Мной. А Я отвечаю им. Не только через молитвы и священные тексты. Я отвечаю им через жизнь, которая окружает это место.

Тыходишь в храм, чтобы просить о милосердии для себя. А на ступенях сидит тот, кто просит о милосердии у тебя. Ты ищешь встречи с любовью в абстрактной, божественной форме, а на паперти тебя ждет любовь в самой конкретной и требующей действия форме. Ты молишься о прощении своих грехов, а у входа тебе дана возможность проявить прощение к несовершенству мира и помочь тому, кто страдает.

Они сидят у церкви не для того, чтобы Я мог судить тебя. Они сидят там, чтобы ты мог увидеть себя. Увидеть, чего на самом деле стоят твои молитвы.

Я оглянулся на мерцающие свечи. Каждая из них была поставлена с какой-то просьбой, с какой-то надеждой. Здоровья близким, успеха в делах, душевного покоя. Мы приходим сюда, чтобы *получить*. А те, на ступенях, напоминают, что истинная вера начинается тогда, когда ты готов *отдать*.

– Но ведь многие из них – обманщики, – возразил я

мысленно, цепляясь за привычное оправдание. – Профессиональные попрошайки. Отдавая им, я поощряю порок, а не помогаю нужде.

– А многие из тех, кто стоит внутри и молится, – обманщики? – прозвучал ответ, лишенный гнева, но полный тихой иронии. – Они просят о чистоте сердца, а в мыслях лелеют зависть. Просят о прощении, а сами не могут простить обидчика. Просят о смирении, а в душе гордятся своей набожностью. Должен ли Я отказывать им всем в Своей любви из-за их несовершенства?

Твоя задача – не проводить расследование. Твоя задача – откликнуться на протянутую руку. Твой дар – это не просто монета. Это акт признания. Признания того, что в человеке напротив, каким бы он ни был, есть та же искра жизни, что и в тебе. Что его боль, реальная или мнимая, взывает к твоему состраданию. Что вы оба – и просящий, и дающий – стоите на одной и той же земле под Моим небом.

Когда ты даешь, ты лечишь не столько его голод, сколько свою собственную душу от черствости. Ты разрушаешь стену, которую выстроил между собой и миром. Монета, упавшая в коробку, – это лишь звук. А отклик в твоём сердце – это уже музыка. Музыка, которую слышу Я.

Я посмотрел на икону Спасителя. Его глаза, казалось, смотрели сквозь меня, сквозь стены храма, туда, на холодные ступени. Он ведь тоже был странником. Он тоже говорил с теми, кого общество отвергало. Он не спрашивал у них

справок о доходах и не проверял искренность их страданий. Он просто видел человека.

– Они сидят у церкви, – завершилась мысль в моей голове, – потому что церковь – это больница для души. А они – самые явные ее пациенты, не скрывающие своих ран. Но и ты, вошедший сюда, тоже пациент. Просто твои раны не так заметны. Они сидят у входа как напоминание: прежде чем лечить свою гордыню, свой страх, свою неуверенность, начни с самого простого – с милосердия. Это первое лекарство. И для тебя, и для него.

Они – не Мои экзаменаторы. Они – твоё лекарство. Они – Мой ответ на твой невысказанный вопрос: «Как мне стать лучше?». Вот так. Начни с протянутой руки.

Я постоял еще немного, чувствуя, как холодный камень пола под ногами перестает быть просто камнем, а становится частью чего-то большего. Тишина храма больше не давила, она наполняла.

Выходя на улицу, я снова увидел их. Старуха дремала, уронив голову на грудь. Мужчина все так же молча сидел, глядя в никуда. Я подошел к нему снова. В его картонной коробке лежали мои утренние монеты и еще несколько от других прихожан. Я достал из кошелька купюру, куда более значительную, и, нагнувшись, аккуратно положил ее сверху.

В этот раз я не отвел глаза. Он медленно поднял на меня свой выцветший взгляд. И в его глазах на одно короткое мгновение я не увидел ни пустоты, ни просьбы. Я увидел

просто человека. И в этом взгляде, как в зеркале, отразился я сам.

Солнце так и не вышло. Но когда я пошел прочь по серой улице, мне почему-то стало гораздо светлее.

Эта внезапная ясность не была похожа на озарение или экстаз. Скорее, это было похоже на то, как после долгой болезни к тебе возвращается обоняние, и ты вдруг снова чувствуешь запах мокрого асфальта, прелых листьев и свежего хлеба из булочной за углом. Мир не изменился, но изменилось мое восприятие. Я шел, и каждый шаг казался осмысленным.

Я думал о том, что только что произошло. Этот внутренний диалог... был ли он на самом деле? Или это просто мой собственный разум, отчаянно ищущий оправдания и смысла, наконец-то сложил разрозненные кусочки веры, сомнений и жизненного опыта в единую, стройную картину? Имело ли это значение? Ответ, который я получил, был истинным для меня в тот момент, и этого было достаточно.

Я свернул на свою улицу и увидел соседку, тетю Валу, с трудом тащившую две тяжелые сумки. Обычно я кивал ей и проходил мимо, погруженный в свои мысли. Сегодня я остановился.

– Валентина Петровна, здравствуйте. Давайте помогу.

Она удивленно вскинула на меня глаза, усталые, окруженные сеточкой морщин.

– Ой, милоч, спасибо. И правда, тяжело сегодня что-то.

До третьего этажа донесешь?

– Конечно, – улыбнулся я, легко подхватывая сумки.

Пока мы медленно поднимались по лестнице, она рассказывала о ценах на рынке, о больной ноге, о внуке-отличнике. Я слушал. Не просто слушал, а *слышал*. Я не думал о том, как бы скорее отделаться и уйти в свою квартиру. Я просто был здесь, в этот момент, помогая пожилой женщине донести ее покупки. Это было так просто. Так же просто, как опустить купюру в картонную коробку.

Когда мы дошли до ее двери, она долго шарила в кармане, а потом протянула мне яблоко из сумки. Красное, блестящее, идеальное.

– Вот, возьми. Угощайся.

– Да что вы, не нужно...

– Бери-бери, – настояла она. – За доброту.

Я взял яблоко. Оно было прохладным и тяжелым. И в этот момент я понял еще кое-что. Круговорот. Ты даешь не в пустоту. Ты отдаешь в мир, и мир отвечает тебе. Не обязательно теми же монетами, не обязательно от того же человека. Он отвечает тебе взглядом, яблоком, внезапным чувством легкости посреди серого дня.

Вернувшись в свою квартиру, я подошел к окну. Внизу, по улице, спешили люди, каждый со своей ношей – видимой и невидимой. Я больше не чувствовал себя отделенным от них стеной из стекла и бетона. Тот человек на паперти, тетя Валя с сумками, я у окна – мы все были частью одно-

го целого. Просящие и дающие, постоянно меняющиеся ролями. Сегодня я дал, завтра попрошу. Попрошу о помощи, о терпении, о прощении.

Я откусил яблоко. Оно было сочным и сладким.

И я подумал, что Бог, возможно, и не ведет никаких списков. Зачем они Ему? Ведь Он не снаружи, не над нами с бухгалтерской книгой. Он – внутри. Он и есть тот самый отклик в сердце, та самая музыка, которая рождается в ответ на протянутую руку. Он – та самая внезапная светлота в душе, когда ты, ничего не ожидая взамен, делишься тем, что у тебя есть.

Нищие сидят у церкви не для того, чтобы Он нас экзаменовал. Они сидят там, чтобы мы могли сдать экзамен самим себе. И получить в награду не место в раю, а возможность почувствовать себя человеком. Здесь и сейчас.

Прошла неделя. Серое утро сменилось таким же серым днем, потом еще одним. Жизнь вошла в свою привычную колею: работа, дом, негромкий гул телевизора по вечерам. Но что-то изменилось. Невидимая пленка, через которую я смотрел на мир, истончилась и пропала. Я начал замечать. Замечать усталость в глазах кассирши в супермаркете и говорить ей «хорошего вечера», вкладывая в эти слова крупицу искреннего тепла. Замечать, как молодой парень в метро уступает место не только старушке, но и просто уставшей женщине с работы. Замечать, как во дворе дети строят из песка нелепый замок, и их сосредоточенные лица пре-

красны.

Мир не стал лучше. Он остался прежним, со всей его несправедливостью, болью и равнодушием. Но я перестал требовать от него совершенства. Я понял, что моя задача – не переделать его, а внести в него свою маленькую ноту. Ту самую «музыку сердца», о которой говорил внутренний голос в храме.

В следующее воскресенье я снова шел к той же церкви. День был на удивление солнечным, и старые стены храма казались не белыми, как кость, а теплыми, цвета слоновой кости. Я издалека увидел, что на паперти пусто. Ни старухи, ни мужчины с картонной коробкой. Странное чувство – смесь облегчения и разочарования – кольнуло меня. Облегчения, потому что не нужно было снова проходить через этот внутренний выбор. Разочарования, потому что я, оказывается, был готов. Я нес в кармане не просто деньги, а желание поделиться.

Я вошел в храм. Он был залит светом, проникавшим через высокие окна. Пылинки танцевали в солнечных лучах, и все вокруг казалось менее строгим, более живым. Я поставил свечу, но не стал ни о чем просить. Я просто стоял и благодарил. За этот свет, за это новое зрение, за яблоко тети Вали, за тишину в моей душе.

Когда я вышел, то увидел его. Того самого мужчину. Он не сидел на ступенях, а стоял поодаль, у церковной ограды, и ел горячий пирожок, который ему, видимо, только что вы-

несли из трапезной. Он не просил. Он просто ел, щурясь на солнце. Наши взгляды встретились. Он узнал меня. Легкий, едва заметный кивок. И я кивнул в ответ.

В этом простом жесте не было ни благодарности, ни долга. Было лишь молчаливое признание. Признание того, что мы оба здесь, под одним небом, каждый на своем месте. Сегодня он был сыт. А моя душа была светла.

Я пошел домой по залитой солнцем улице и вдруг ясно понял последнюю, самую простую вещь. Они сидят у церкви не для Бога и не для нас. Они сидят там, потому что это место, где надежда еще не умерла окончательно. Это место, где даже в самом отчаявшемся сердце теплится вера в чудо – в чудо простого человеческого милосердия. И давая им, мы лишь подтверждаем, что эта надежда не напрасна.

Глава 7: Чаша человеческая

Я сидел на краю обрыва, глядя, как солнце медленно погружается в багровый океан. Ветер трепал мои волосы, принося с собой запах соли и вечности. Это было мое место силы, место, где шум мира стихал, и я мог говорить с Ним. Сегодняшний разговор был тяжелым. Он зрел во мне годами, прорастая сквозь трещины личных трагедий и наблюдая за болью других.

– Скажи мне, Боже, – начал я, не повышая голоса, зная, что Он слышит шепот мысли. – Я пытаюсь понять, но не могу. Твой Сын, Христос, страдал на кресте. Писание говорит, что Он страдал ради людей, ради искупления их грехов. Его страдание имело великую, космическую цель. Оно было жертвой, принесенной из любви. Но я смотрю на мир во круг... и вижу только страдание без цели. Ради чего страдают люди?

Я замолчал, давая вопросу повиснуть в воздухе. Ответ пришел не громом с небес, а тихим внутренним голосом, который был одновременно и моим, и чужим. Он звучал как шелест травы под ногами и гул далеких звезд.

– Ты задаешь правильный вопрос, дитя Мое. Но ищешь ответ не там. Ты ищешь одну-единственную причину, универсальную формулу, которая объяснила бы каждую слезу. Но страдание многолико, как и сама жизнь.

– Но в чем его смысл? – настаивал я. – Мать, теряющая ребенка. Солдат, возвращающийся с войны с искалеченной

душой. Старик, умирающий в одиночестве. В чем смысл их боли? Это не похоже на искупительную жертву. Это похоже на жестокую ошибку в Твоем великом замысле.

– Ошибки нет. Есть лишь перспектива, которую тебе трудно принять. Ты видишь страдание как наказание или бессмысленную случайность. Я же вижу его как инструмент. Грубый, порой болезненный, но необходимый.

– Инструмент для чего? Чтобы сделать нас сильнее? Это звучит как избитое клише, которое люди говорят, чтобы утешить друг друга. Но боль не всегда делает сильнее. Иногда она просто ломает.

– Она ломает эго, – мягко поправил Голос. – Она разрушает иллюзии, которые вы так старательно строите вокруг себя. Иллюзию контроля. Иллюзию безопасности. Иллюзию того, что вы – хозяева своей судьбы. Страдание – это трещина в скорлупе вашего самодовольства, через которую может пробиться свет.

Я задумался. В моей жизни было достаточно боли, чтобы понять, о чем Он говорит.

Каждая потеря, каждое разочарование сдирали с меня слой за слоем гордыню и уверенность в собственной правоте. И в образовавшейся пустоте действительно появлялось что-то новое. Но было ли это оправданием самой боли?

– Но цена слишком высока, – возразил я. – Неужели нет другого способа научить нас? Способа без криков в онкологических отделениях, без голодающих детей, без отчаяния,

которое толкает человека в петлю? Твоя педагогика кажется невыносимо жестокой.

– Ты мыслишь как человек, и это естественно. Ты видишь лишь короткий отрезок пути – одну жизнь. Для тебя смерть – это конец, а боль – абсолютное зло. Но в масштабе вечности, которым оперирую Я, жизнь на Земле – это лишь один класс в бесконечной школе души. А страдание – это самый сложный и самый важный предмет в этой школе.

– Предмет чего? Чему оно учит?

– Во-первых, оно учит состраданию. Ты не можешь по-настоящему понять боль другого, пока не испытываешь свою собственную. Пока твое сердце не будет разбито, ты будешь смотреть на чужие слезы свысока, с жалостью, но не с эмпатией. Страдание – это универсальный язык, который объединяет королей и нищих, святых и грешников. Оно напоминает вам, что под всеми вашими масками и социальными ролями вы – одно хрупкое, уязвимое целое. Именно в горниле общей боли рождается истинная любовь к ближнему, а не просто вежливое сочувствие.

Голос сделал паузу, давая мне осознать сказанное. Я вспомнил, как после смерти близкого человека я вдруг начал видеть мир иначе. Я видел ту же скрытую боль в глазах кассирши в магазине, в усталом лице водителя автобуса. Их страдание стало моим, и мое – их. Мы были связаны невидимой нитью общей скорби.

– Во-вторых, – продолжил Голос, – страдание – это ка-

тализатор роста. Душа, подобно мышце, растет только под нагрузкой. В комфорте и благополучии вы стагнируете. Вы обрастаете вещами, привычками, мелкими удовольствиями, и ваша душа засыпает. Боль же – это будильник. Она заставляет вас задавать главные вопросы: «Кто я? Зачем я здесь? Что действительно важно?» Именно в самые темные ночи вы начинаете искать звезды. Именно на дне отчаяния вы обретаете самую сильную веру, потому что больше не на что опереться.

– Но ведь многие не находят веру. Они находят лишь горечь и злобу. Они проклинают Тебя и весь мир.

– Да. И в этом заключается величайший дар, который Я вам дал, – свобода выбора. Страдание – это не рельсы, по которым душа обязана приехать к просветлению. Это перекресток. Перед каждым, кто страдает, лежит выбор: позволить боли превратить сердце в камень или использовать ее как долото, чтобы отсечь от души все лишнее и явить свет, который сокрыт внутри. Выбор между озлобленностью и прощением, между отчаянием и надеждой, между эгоизмом и любовью. Христос страдал ради людей, чтобы показать, *как* можно пройти через страдание, не сломавшись, а преобразившись. Его жертва – это не отмена ваших страданий, а дорожная карта, как их пережить.

– Дорожная карта? – переспросил я. – Он был Сын Божий. Ему было легче. А мы – просто люди.

– Он был и Сыном Человеческим, – твердо ответил Го-

лос. – В Гефсиманском саду Он молил, чтобы чаша сия миновала Его. Он испытывал страх, одиночество и боль так же остро, как и вы. Его сила была не в божественной неуязвимости, а в человеческом выборе – принять волю Отца, пройти через боль из любви. Он показал, что даже самое страшное страдание можно превратить в акт высшей любви. Он не отменил страдание, Он наполнил его смыслом.

Я молчал, переваривая услышанное. Логика в Его словах была, но она была холодной, как свет далеких звезд. Мое человеческое сердце все еще бунтовало.

– Значит, страдание – это экзамен? – спросил я с горечью. – А те, кто не справляется, кто ломается, кто кончает жизнь самоубийством или становится чудовищем, – они просто провалили тест? Это жестоко.

– Ты снова мыслишь в категориях успеха и провала, – вздохнул Голос, и в этом вздохе была вся скорбь мира. – Нет «проваливших». Есть лишь души, идущие разными путями, с разной скоростью. Душа, которая в этой жизни захлебнулась в горечи, получит другой урок, в другой форме, в другое время. Я никогда не оставляю Своих детей. Для Меня нет потерянных душ, есть лишь те, кто временно заблудился во тьме. Даже самый озлобленный человек, проклинаящий Меня, в глубине своего существа кричит о любви, которую он потерял или которой ему не дали. И Я слышу этот крик.

– Но почему мир устроен именно так? Почему нельзя было создать мир без боли? Рай на Земле, где все учатся только

через радость и любовь?

– Потому что вы бы не оценили свет, не познав тьмы. Вы бы не ценили здоровье, не зная болезни. Вы бы не стремились к любви, не испытав одиночества. Контраст – это основа вашего восприятия. Вы созданы по Моему образу и подобию, а это значит, что вы – творцы. Но творить можно лишь из чего-то. Страдание – это сырой, необработанный материал, глина, из которой ваша душа может вылепить шедевры – мудрость, милосердие, стойкость, веру. Радость – это уже готовое изделие, которым можно любоваться, но из которого ничего не создашь. Вы пришли в этот мир не на курорт, а в мастерскую.

– Мастерскую... – повторил я, глядя на свои руки. – Значит, все, что происходит – не случайно? Каждая трагедия, каждая болезнь – это часть учебного плана, разработанного лично для каждого?

– Не совсем так. Я не сижу с указкой, распределяя несчастья. Это было бы тиранией, а Я дал вам свободу. Многие из того, что вы называете страданием, вы создаете сами. Своей жадностью, своей ненавистью, своим невежеством. Войны, голод, несправедливость – это плоды вашего свободного выбора. Вы раните друг друга, а потом спрашиваете Меня, почему в мире столько боли. Я дал вам законы любви и гармонии. Нарушая их, вы неизбежно порождаете страдание. Это не Мое наказание, это естественное последствие ваших действий, как ожог от прикосновения к огню.

– А как же болезни? Природные катастрофы? Смерть ребенка? Это ведь не результат человеческого выбора.

– Это часть физического мира, в котором вы существуете. Мира, который живет по своим законам – законам рождения, роста, увядания и смерти. Ваша душа временно облачена в хрупкую биологическую оболочку. И эта оболочка подвержена болезням и старению. Но даже эти, казалось бы, бессмысленные страдания – тоже перекрестки. Они ставят вас перед выбором. Болезнь может научить ценить каждый миг жизни.

Приближение смерти может заставить переосмыслить все ценности и простить всех, кого вы не могли простить десятилетиями. Потеря близкого, какой бы ужасной она ни была, может вскрыть в вашем сердце такие глубины любви и сострадания, о которых вы и не подозревали. Это не оправдывает боль, но показывает, что даже в самой темной руде может содержаться золото. Вопрос лишь в том, хватит ли у вас сил и желания его добыть.

– Но где взять эти силы? – мой голос дрогнул. – Когда боль настолько всепоглощающа, что не видно ничего, кроме нее? Когда кажется, что Ты оставил меня, что Ты глух к моим молитвам?

– Я никогда не оставляю вас. Но Я не могу за вас пройти ваш путь. Я могу быть рядом, как проводник, но шаги вы должны делать сами. Силы приходят не извне, они рождаются внутри, в момент принятия. Не смирения с участью раба,

а мудрого принятия того, что ты не можешь изменить. Когда ты перестаешь бороться с бурей и вместо этого учишься управлять своим кораблем в шторм. Когда ты перестаешь спрашивать «За что мне это?» и начинаешь спрашивать «Для чего мне это? Чему я могу научиться? Как я могу вырасти благодаря этому опыту?»

– Христос страдал ради людей, чтобы дать им пример и надежду. Люди же страдают ради самих себя. Ради своей души. Каждое страдание – это ваша личная Голгофа, ваш личный крест. И у вас, как и у Него, есть выбор: нести его с проклятиями и ненавистью, роняя и спотыкаясь, или нести его с достоинством, превращая в символ не поражения, а грядущего воскресения духа.

– Воскресения... – эхом повторил я. – Значит, за страданием всегда следует воскресение?

– Всегда. Но не всегда в той форме, в какой вы его ожидаете. Это может быть не возвращение утраченного, а обретение нового себя – более мудрого, более глубокого, более любящего. Воскресение – это не отмена смерти, а победа над ее страхом. Это осознание того, что ваша истинная суть – не хрупкое тело и не мятущийся ум, а бессмертная душа, для которой страдание – лишь временный, хоть и суровый, учитель.

– Посмотри, – сказал Голос, и мой внутренний взор обратился к миру. Я увидел не просто хаос боли, а сложный, пульсирующий узор. Я увидел, как страдание одного челове-

ка зажигает искру сострадания в десятках других, побуждая их к помощи и милосердию. Я увидел, как пережитая трагедия превращает вчерашнего эгоиста в мудрого наставника для тех, кто идет следом. Я увидел, как искусство, музыка, поэзия рождаются из самой глубокой скорби, становясь утешением для миллионов. Боль не исчезала, но она перестала быть бессмысленной. Она была похожа на темные нити в gobелене жизни, без которых светлые узоры радости и любви потеряли бы свою яркость и объем.

– Ты видишь? – прозвучал Голос. – Страдание – это не Моя воля, но оно вплетено в ткань вашего мира. И вместо того, чтобы проклинать его, вы можете научиться использовать его. Христос не просил Отца уничтожить все кресты в мире. Он взял Свой и понес его. Этим Он освятил не только Свое страдание, но и каждое человеческое страдание, показав, что оно может стать путем к преобразению, путем к Богу.

– Значит, наш путь – не избегать страданий, а принимать их и наполнять смыслом? – спросил я, чувствуя, как внутри меня что-то сдвигается. Бунт уступал место горькому, но светлому принятию.

– Именно. Смысл не заложен в страдании изначально. Вы сами привносите его туда своим выбором. Одно и то же событие – тяжелая болезнь – может одного человека превратить в озлобленного циника, а другого – в источник вдохновения для тысяч. Боль – это лишь энергия, нейтральная

по своей сути. А вы – алхимики духа, способные превратить этот свинец в золото. Вы можете превратить боль утраты в вечную память и любовь. Вы можете превратить боль предательства в урок прощения и мудрости. Вы можете превратить боль несправедливости в борьбу за правду и сострадание к другим угнетенным.

Я поднял голову. Солнце уже почти скрылось за горизонтом, оставив на небе прощальную роспись из золота и пурпура. Красота этого момента была пронзительной, почти болезненной.

– Но это так трудно, – прошептал я. – Почти невозможно.

– Я и не говорил, что это легко. Путь души – это восхождение на гору, а не прогулка по парку. Будут и срывы, и усталость, и отчаяние. Но ты не один на этом пути. Всякий раз, когда ты проявляешь сострадание к страдающему, ты помогаешь нести его крест. Всякий раз, когда ты делишься своей болью, ты позволяешь другим помочь тебе. Вы связаны друг с другом в этом общем восхождении. И Я всегда рядом. Я – та тишина, что наступает после крика. Я – та слеза облегчения, что смывает горечь. Я – та рука друга, что ложится на твое плечо в самый темный час. Я не избавляю вас от шторма, но Я – маяк, который светит во тьме, указывая путь домой.

Ветер стих. Последний луч солнца погас, и на бархатном небе зажглись первые звезды. Они больше не казались холодными и далекими. Каждая из них была похожа на душу,

сияющую светом, рожденным в горниле преодоленной боли.

Я понял. Христос страдал ради людей, чтобы показать им Путь. А люди страдают ради себя. Ради того, чтобы, пройдя свой собственный, уникальный путь боли, отчаяния и принятия, однажды превратить свою маленькую, хрупкую душу в яркую звезду во вселенной Отца. Чтобы научиться любить так, как любит Он, – не вопреки страданию, а благодаря ему.

Я встал. Холодный камень больше не казался враждебным. Океан шумел внизу, и в его вечном рокоте я больше не слышал угрозы или равнодушия. Я слышал колыбельную вечности. Мой вопрос получил ответ. Он не принес мне легкого утешения или избавления от будущей боли. Но он дал мне нечто большее – смысл. И компас, чтобы ориентироваться в неизбежной тьме.

Я пошел обратно, к огням города, где миллионы людей несли свои невидимые кресты. И впервые я смотрел на них не с ужасом или жалостью, а с безграничным уважением и надеждой.

Я шел к ним, зная, что теперь моя задача – не вопрошать небеса о причинах их боли, а помочь им нести их чашу. Помочь им увидеть в трещинах своей разбитой жизни не уродство, а узор, через который пробивается свет.

Мой путь домой лежал мимо старой больницы. В одном из окон на верхнем этаже горел одинокий свет. Я остановился, глядя на него. Кто там сейчас не спит? Человек, борющийся за каждый вдох? Медсестра, уставшая от бесконечной

смены? Родственник, сидящий у постели угасающего любимого? Их страдание было реальным, осязаемым, оно висело в ночном воздухе тяжелым, невидимым облаком.

Раньше я бы отвернулся, чувствуя свою беспомощность и вину за то, что я здоров и свободен. Но сейчас я смотрел на это окно иначе. Я видел там не просто больницу, а величайшую из мастерских духа. Я видел не жертв, а воинов, сражающихся на самом важном поле битвы – внутри себя. Я не мог забрать их боль, но я мог послать им свою мысль, свою молитву, свое сочувствие. Не жалость сильного к слабому, а признание равного равным. Признание их мужества в прохождении урока, который, возможно, был мне еще только предначертан.

Я представил, как моя мысль, словно тонкий луч света, достигает этого окна, неся не исцеление, но простое послание: «Ты не один. Твоя битва имеет значение. Твоя боль священна». Это было все, что я мог сделать, но я почувствовал, что этого немало. Потому что величайшее страдание – это страдание в одиночестве, в ощущении своей полной оставленности и бессмысленности происходящего. Разрушить это одиночество – значит уже наполовину победить тьму.

Проходя мимо шумного бара, откуда доносились смех и музыка, я больше не видел контраста между их весельем и болью в больничном окне. Я видел две стороны одной медали. Многие из тех, кто смеялся сейчас, несли в себе застарелые раны, скрытые под маской беззаботности. А тот, кто

страдал в больничной палате, возможно, вспоминал сейчас самые счастливые моменты своей жизни с пронзительной ясностью, недоступной тем, кто был погружен в суету. Жизнь была не чередой черных и белых полос, а единым полотном, где радость и боль были неразрывно переплетены, придавая друг другу глубину и смысл.

Когда я наконец добрался до своего дома и включил свет, комната показалась мне другой. Предметы – стол, книги, старое кресло – все они были свидетелями моих собственных маленьких и больших трагедий.

Царапина на столе напомнила о дне, когда я в гневе ударил по нему кулаком, а теперь она была лишь частью его истории. Старое кресло помнило слезы отчаяния, но оно же помнило и часы тихого чтения, приносившего покой. Я понял, что страдание не оскверняет жизнь, а вписывается в ее ткань, делая ее подлинной и глубокой. Теперь я знал, что моя задача – не бежать от боли, своей или чужой, а встречать ее с открытым сердцем, ища в ней не проклятие, а скрытое благословение и путь к свету. Мой диалог с Богом не закончился, он только по-настоящему начался, перейдя из вопросов в тихие, ежедневные дела сострадания.

Глава 8. Зеркала разума

Я сидел на старой деревянной скамье, вглядываясь в бездонное ночное небо. Мириады звезд мерцали, словно алмазная пыль, рассыпанная по черному бархату вечности. Воздух был прохладен и чист, и тишина нарушалась лишь шелестом листьев да далеким, едва уловимым гулом спящего города. В такие моменты одиночества душа обнажается, и вопросы, которые днем тонут в суете, всплывают на поверх-

ность с оглушительной ясностью.

– Скажи мне, Боже, – прошептал я в пустоту, не ожидая ответа, но нуждаясь в том, чтобы произнести это вслух. – Почему Ты так неуловим? Почему оставил нас с одними лишь догадками и спорами?

– Я здесь, дитя Мое. Всегда был и всегда буду. Ты спрашиваешь не потому, что не чувствуешь Моего присутствия, а потому, что твой разум требует доказательств, которые мог бы измерить и каталогизировать.

Голос возник не в ушах, а в самом центре сознания – теплый, глубокий, лишенный эха, но наполняющий собой все вокруг. Я не вздрогнул. К восьмой нашей беседе я уже привык к Его манере появляться именно тогда, когда вопрос достигает своего пика искренности.

– Да, мой разум, – кивнул я звездам. – Разум, который веками бьется над Твоим вопросом. Я читал философов. Платон и Аристотель видели в гармонии космоса руку Демиурга, Перводвигателя. Они пытались логически вывести Тебя из самого факта существования мира. Они смотрели на следствие – Вселенную – и искали причину.

– Они были мудры, – согласился Голос. – Они смотрели на картину и понимали, что у нее должен быть художник. Это первый и самый естественный шаг мысли. Наблюдая за сложным, упорядоченным механизмом, разум неизбежно приходит к выводу о существовании механика. Это то, что позже назовут космологическим аргументом. Если есть движе-

ние, должен быть Тот, Кто дал первый толчок. Если есть цепь причин и следствий, у нее должно быть первое, не имеющее причины звено. И это звено – Я.

– Но этого оказалось мало, – возразил я. – Этот аргумент убеждает не всех. Он говорит о причине, но не о Твоей личности, не о любви, не о замысле. Тогда Фома Аквинский взял эту идею и отточил ее, представив свои «пять путей». Он тоже шел от мира к Тебе. Но и его логика для многих – лишь интеллектуальное упражнение.

– Потому что логика – это инструмент, а не само зрение. Фома Аквинский строил мост из мира видимого в мир невидимый. Он предлагал разуму прочную конструкцию, по которой тот мог бы безопасно пройти над пропастью сомнений. Но идти по этому мосту или нет – выбор каждого. Разум может принять посылки и прийти к выводу. Но вера – это не просто вывод. Это шаг в объятия того, что разум лишь обозначил на карте.

– А как же телеологический аргумент? – продолжил я, ухватившись за новую нить. – Аргумент от замысла. Когда смотришь на сложность живой клетки, на точность орбит планет, на то, как идеально подогнаны друг к другу все элементы экосистемы, трудно поверить в слепой случай. Это не хаос, это симфония. Кажется, что за всем этим стоит невероятный Инженер, Художник.

– Это еще одно зеркало, в которое смотрится ваш разум, – ответил Голос. – В космологическом аргументе он ви-

дит Мою силу как Первопричины. В телеологическом – Мою мудрость как Архитектора. Вы смотрите на часы и восхищаетесь не просто механизмом, но и умом часовщика. Вы смотрите на Вселенную и видите не просто материю, но и Замысел. Это верный взгляд. Но и он имеет свои пределы. Разум, склонный к критике, всегда может спросить: «А не является ли этот порядок лишь иллюзией, которую мы сами накладываем на хаос, чтобы не сойти с ума от его бессмысленности?»»

– Именно! И тогда на сцену выходят другие мыслители. Ансельм Кентерберийский попытался пойти иным путем. Он не стал смотреть на мир. Он заглянул внутрь самого разума. Он сказал, что Бог – это «то, больше чего нельзя ничего помыслить». И если такая идея существует в уме, то она должна существовать и в реальности, потому что существование в реальности «больше», чем существование только в уме.

Я усмехнулся.

– Этот онтологический аргумент всегда казался мне самой изящной и одновременно самой уязвимой конструкцией. словно попытка силой мысли вытащить кролика из шляпы, в которой его изначально не было. Декарт позже предложил свою версию: идея о все совершенном Существо не могла родиться в моем несовершенном уме, значит, ее вложил в меня Сам этот все совершенный Субъект.

– Ансельм и Декарт подошли ко Мне с другой стороны, –

прозвучал Голос, и в нем не было ни тени осуждения. – Они пытались найти не Мои следы в мире, а Мое отражение в самой структуре мысли. Они поняли, что идея Бесконечного, Совершенного, Вечного – это не то, что человек мог бы вывести из своего конечного, несовершенного и смертного опыта. Откуда в капле знание об океане? Они предположили, что это знание – врожденное. Это эхо Моего голоса в архитектуре вашего сознания. Их ошибка была не в интуиции, а в попытке превратить эту интуицию в железную логическую формулу, которая бы принуждала к согласию. Но Я не принуждаю. Я приглашаю.

– Приглашаешь... Жан Кальвин говорил о чем-то похожем. О *sensus divinitatis*, «чувстве Бога». Он утверждал, что знание о Тебе врожденно каждому человеку, как некое внутреннее чутье, которое можно заглушить, но нельзя искоренить. Это уже не столько логический аргумент, сколько психологический.

– Кальвин был ближе к истине о *способе* Моего присутствия в вас, – подтвердил Голос. – Я не просто внешняя причина или далекий архитектор. Я – та тихая музыка, которая звучит в глубине каждой души. Это тоска по дому, который вы никогда не видели, но о котором всегда помните. Это стремление к справедливости, красоте и любви, которые в вашем мире так мимолетны и несовершенны. Почему вы ищете совершенства, живя в несовершенном мире? Потому что в вас заложен Мой образ, Мой камертон. Этот *sensus*

divinitatis и есть тот самый компас, стрелка которого всегда указывает на Меня, даже если ее завалили хламом страхов, гордыни и суеты.

– И нравственный аргумент оттуда же? – спросил я. – Наше врожденное чувство добра и зла, понимание, что есть «долг», который выше личной выгоды. Кант утверждал, что само существование морального закона внутри нас требует существования Бога как гаранта того, что добродетель в конечном счете будет вознаграждена, а справедливость восторжествует.

– Иммануил Кант построил еще один мост, – мягко прозвучал Голос. – Но этот мост вел не от звездного неба над головой, а от нравственного закона внутри. Он понял, что ваше глубинное чувство справедливости – не просто социальный договор или инстинкт выживания. Откуда в смертном существе, борющемся за ресурс, идея самопожертвования? Откуда стремление к истине ради самой истины? Это отблески Моей природы в вас. Кант был прав: без Меня как конечного источника и цели морали, все ваши представления о добре и зле становятся лишь вопросом вкуса или временного удобства. Нравственный закон теряет свой абсолютный вес и превращается в набор полезных правил, которые можно нарушить, если никто не видит.

– Но и этот аргумент не является доказательством в строгом смысле слова, – вздохнул я. – Кант сам говорил, что это лишь постулат практического разума. Мы должны верить

в Тебя, чтобы наша мораль имела смысл. Это похоже на то, как если бы мы договорились верить в солнце, чтобы не замерзнуть от холода.

– А разве это не мудро? – спросил Голос. – Если ты чувствуешь холод, а вера в солнце согревает тебя и побуждает искать его свет, разве эта вера бессмысленна? Вы пытаетесь доказать Мое существование так, словно Я – еще один объект в вашей Вселенной, планета, которую можно обнаружить в телескоп, или частица, которую можно зафиксировать в коллайдере. Но Я – не объект. Я – сама ткань бытия. Я – холст, на котором написана картина, а не одна из красок на нем. Вы пытаетесь доказать существование зрения, анализируя строение глаза, но упускаете сам акт видения.

Я замолчал, обдумывая эти слова. Философские аргументы, которые я перебирал в уме, казались теперь похожими на разные инструменты, которыми пытались измерить нечто неизмеримое. Линейкой пытались взвесить музыку, весами – измерить красоту заката.

– Так что же тогда вера? – спросил я тихо. – Если все эти сложные построения разума – лишь мосты, которые могут рухнуть, лишь зеркала, которые могут исказить?

– Вера – это не отрицание разума, а его превосхождение. Разум приводит тебя к порогу. Он честно анализирует мир и говорит: «Смотри, здесь есть порядок, а не хаос. Есть начало, а не бесконечный регресс. Есть замысел, а не случайность. Есть нравственный закон, а не просто инстинкт».

Разум подводит тебя к двери и говорит: «За этой дверью, по всей видимости, находится Источник всего этого». А вера – это твое решение открыть эту дверь и войти. Это доверие. Это личный опыт, который превращает гипотезу о Художнике в живую встречу с Ним.

– Августин говорил, что к Тебе нужно приближаться через понимание...

– Да. Но он также говорил, что нужно верить, чтобы понимать. Это не порочный круг, а спираль. Небольшой акт веры открывает тебе новый уровень понимания. Это понимание укрепляет твою веру, позволяя совершить следующий шаг. Ты не можешь понять океан, стоя на берегу и изучая его химический состав по капле воды. Ты должен войти в него, почувствовать его мощь, его глубину. Так и со Мной. Разум дает тебе каплю, вера приглашает в океан.

– А Фома Аквинский считал, что Тебя можно постичь и рассуждением, и откровением. Словно есть два пути, ведущих на одну и ту же вершину.

– Именно так. Один путь – это восхождение по склону горы, шаг за шагом, опираясь на логику и наблюдение. Это путь Аристотеля, Фомы, ученых, которые в законах физики видят Мой почерк. Это честный и достойный путь. Но он долог и труден, и с него легко сорваться в ущелье агностицизма, сказав: «Вершина слишком далека, я не уверен, что она вообще есть». Второй путь – откровение. Это когда Я Сам спускаюсь к тебе навстречу. Это не отменяет необходи-

мости твоего собственного восхождения, но дает тебе силы, указывает кратчайшую тропу и, самое главное, уверяет, что вершина реальна и ждет тебя. Откровение – это не замена разуму, а его проводник и вдохновитель.

– Но Кант... – я снова вернулся к мыслителю, который так сильно повлиял на современное сознание. – Он ведь, по сути, закрыл для разума эту дверь. Он сказал, что наш разум ограничен миром явлений, феноменов. Мы можем познавать то, что доступно нашим чувствам и категориям рассудка. А Ты, как ноумен, как «вещь-в-себе», находишься за пределами этой области. Мы не можем ни доказать, ни опровергнуть Твое существование с помощью «чистого разума». Он словно поставил пограничный столб, на котором написано: «Дальше разуму хода нет».

– Иммануил Кант был великим картографом человеческого разума, – Голос был полон уважения. – Он очертил его границы с невероятной точностью. И он был прав. Ваш «чистый разум», оперирующий лишь логическими категориями и данными чувственного опыта, действительно не может поместить Меня в свою систему координат, как не может двумерное существо на листе бумаги постичь третье измерение. Попытка сделать это приводит лишь к антиномиям, к логическим тупикам, где можно с равным успехом доказать и то, что мир имеет начало во времени, и то, что он бесконечен. Кант не убил Меня для разума. Он лишь смиренно указал на пределы своего инструмента. Он сказал: «Мой телескоп

не видит Бога». Но это не значит, что Бога нет. Это значит, что Бог – не тот объект, который можно увидеть в телескоп.

– Значит, все эти века философских поисков... все эти сложнейшие доказательства... это была ошибка? Попытка сделать невозможное?

– Нет, дитя Мое. Это не было ошибкой. Это было величайшим путешествием. Это было проявлением заложенного в вас Моего образа – стремления к истине, к познанию, к первопричине. Каждый из этих мыслителей строил свой корабль, чтобы пересечь океан неизвестности.

И пусть ни один из этих кораблей не мог вместить в себя весь океан, каждый из них был чудом кораблестроения. Каждый из них открывал новые острова, наносил на карту новые течения и рифы. Они не доказали Мое существование в математическом смысле, но они исчерпывающе продемонстрировали, что мысль о Мне – это не случайный каприз, а фундаментальная, неизбежная категория человеческого разума. Они показали, что вопрос обо Мне – самый главный вопрос, который только может задать себе мыслящее существо.

– То есть, ценность не в ответе, а в самом вопросе?

– Ценность в пути, который начинается с этого вопроса. Эти аргументы – не клетки, в которые можно Меня поймать, а указатели, расставленные на дороге к встрече. Космологический аргумент указывает на Мою мощь. Телеологический – на Мою мудрость. Онтологический – на Мою абсолютную реальность. Нравственный – на Мою благость. Пси-

хологический – на Мою близость к твоему сердцу. Они все вместе рисуют Мой портрет, но это лишь портрет. А Я – живой.

Я поднял голову и снова посмотрел на звезды. Они больше не казались холодными и далекими. В их упорядоченном танце я видел логику Аристотеля, в их ошеломляющей красоте – замысел, о котором говорили физико-теологи. В самой идее этой бесконечности, которую мой ум пытался, но не мог охватить, я чувствовал правоту Ансельма. А в трепете, который это зрелище вызывало в моей душе, – тот самый *sensus divinitatis* Кальвина.

– Значит, Ты не оставил нас в темноте, – проговорил я, и это было уже не утверждение, а осознание. – Ты дал нам не одно, а множество зеркал. Разум, совесть, чувство прекрасного, саму структуру бытия... И каждое отражает Тебя под своим углом. Но мы, вместо того чтобы смотреть на отражение и искать Источник света, спорим о качестве зеркал. Мы полируем одно, доказывая, что оно единственно верное, и разбиваем другое, потому что оно дает иной блик.

– Именно так, – в Голосе прозвучала нотка светлой печали. – Вы спорите о словах, которыми описываете воду, умирая от жажды. Вы создали целые школы мысли, враждующие друг с другом, хотя каждая из них держит в руках лишь один фрагмент огромной мозаики. Одни говорят: «Бог – это чистая логика, Первопричина», и забывают о любви. Другие кричат: «Бог – это только любовь и чувство!», и отбрасывают

разум как помеху. Третьи видят Его лишь в нравственном долге и превращают живую веру в свод сухих правил. Они не понимают, что Я – и Причина, и Любовь, и Закон. Я – точка, в которой сходятся все эти линии.

– Так что же делать? – спросил я, чувствуя, как бремя вековых споров ложится на плечи. – Как собрать эту мозаику? Как перестать спорить о зеркалах и увидеть Тебя?

– Перестань смотреть *на* зеркало. Начни смотреть *в* него. А потом – сквозь него. Каждый из этих аргументов, каждая философская система – это палец, указывающий на луну. Глупо всю жизнь изучать палец, спорить о его форме и длине, и ни разу не поднять глаза на саму луну. Используй разум, дитя Мое, Я дал его тебе не для того, чтобы ты его отбросил. Изучай мир, восхищайся его сложностью, ищи его начало. Загляни в свою душу, прислушайся к голосу совести, к своему стремлению к справедливости. Помысли о самой идее совершенства. Это все – ступени. Но в какой-то момент ты должен сделать шаг с последней ступени в пространство доверия.

Голос стал тише, интимнее, словно приблизился ко мне из глубин космоса.

– Ты ищешь доказательств, которые бы сделали веру ненужной. Но это все равно что искать такую сильную любовь, которая бы отменила необходимость доверять любимому человеку. Доказательства работают с тем, что уже было, с фактами прошлого. Вера работает с будущим, с обещани-

ем, с отношениями. Я не хочу, чтобы ты был просто убежден в Моем существовании, как ты убежден в существовании Плутона, который тебе безразличен. Я хочу, чтобы ты *знал* Меня. А знание – это не информация. Это встреча.

– Встреча... – повторил я, и слово повисло в ночном воздухе.

– Да. Все эти аргументы – лишь приглашение на встречу. Они готовят почву, убирают самые грубые камни сомнений с твоего пути. Они говорят твоему разуму: «Это не безумие. Это возможно. Это даже логично». Но сама встреча происходит в тишине, когда разум, проделав свою огромную работу, замолкает и уступает место сердцу. Когда ты перестанешь говорить обо Мне и начинаешь говорить *со Мной*. Как сейчас.

Я опустил взгляд со звезд на свои руки, лежащие на коленях. Все философские трактаты, все сложные силлогизмы и онтологические доказательства вдруг показались мне картой местности, которую я сейчас видел своими глазами. Карта была полезна, она не дала мне заблудиться, но она была лишь бледной, плоской копией живой, дышащей, объемной реальности.

– Значит, Ты не требуешь от нас слепой веры? – прошептал я.

– Я прошу зрячей веры. Веры, которая прошла через горнило сомнений. Веры, которая не боится вопросов разума, но и не становится его рабыней. Разум – это твой слуга, кото-

рый может осветить тебе путь, но он не должен решать за тебя, куда идти. Это решение всегда остается за твоим сердцем, за твоей свободной волей. Я дал вам свободу, и самое страшное, что вы можете с ней сделать, – это попытаться обменять ее на формулу, которая бы избавила вас от необходимости выбирать.

Я понял. Все эти великие умы – от Платона до Канта – не ошибались. Они честно выполняли свою работу, строя лестницы к небу, каждая из которых была произведением искусства. Но ни одна лестница не является самим небом.

– Именно, – прозвучал Голос, теперь уже почти неотличимый от моих собственных мыслей. – А теперь перестань изучать лестницу и сделай шаг.

Я глубоко вздохнул, и ночной воздух наполнил мои легкие свежестью и покоем. Вопросы утихли, уступив место простому и ясному чувству Присутствия. Спор о зеркалах закончился, потому что я, наконец, увидел в них не себя и не свои сомнения, а отраженный свет далеких, но таких родных звезд. И в этой тишине я понял, что самое главное доказательство было не в книгах философов, а в самом этом диалоге, происходящем в глубине моего сердца.

Глава 9: Цель или Средство?

Вечер опускался на город густым, фиолетовым бархатом. Я сидел у окна своей маленькой квартиры на последнем этаже, глядя, как внизу зажигаются фонари, похожие на рассыпанные кем-то звезды. В руках я держал старую, потрепанную Библию, но мысли мои были далеко от строк Писания. Они были обращены к Нему.

Это был мой тихий час, время, когда шум мира стихал,

и я мог говорить с Богом. Не вслух, нет. Это был внутренний диалог, разговор души, который я вел уже много лет. И сегодня на сердце лежала тяжесть, смешанная с недоумением.

«Скажи мне, Боже...» – начал я, как начинал уже сотни раз. – «Я снова запутался. Я смотрю на мир, на людей, даже на тех, кто называет себя Твоими детьми. И я вижу одно и то же: все чего-то просят у Тебя. Здоровья, денег, успеха, мира в семье, хорошую работу... Они приходят к Тебе, как в небесную канцелярию, с длинным списком прошений. И я... я ведь тоже таков. Я молюсь о вдохновении для своей работы, прошу убереечь моих близких от бед, надеюсь на Твою помощь в моих скромных делах. И мне стало страшно. А не превратил ли я Тебя, Господи, в средство? В могущественный инструмент для достижения своих земных, таких мелких целей?»

Тишина в комнате стала плотнее. Я закрыл глаза, пытаюсь услышать ответ не ушами, а сердцем. И он пришел. Не как громкий голос, а как тихая, ясная мысль, которая родилась в самой глубине моего сознания, но была настолько чистой и мудрой, что я знал – она не моя.

«Сын Мой, ты задаешь правильный вопрос. Это вопрос, который каждый идущий ко Мне должен задать себе однажды. Посмотри на ребенка, который бежит к отцу. О чем он просит? Дать ему игрушку, посадить повыше, чтобы сорвать яблоко, защитить от соседского пса. Разве отец гневается на него за эти просьбы? Нет, он с любовью испол-

няет их, потому что любит свое дитя. Но что будет, если ребенок будет видеть в отце лишь того, кто исполняет его желания? Если он будет прибегать к нему, только когда ему что-то нужно, а получив желаемое, тут же убежать, забыв об отце до следующей нужды? Сердце отца опечалится. Он поймет, что любят не его, а то, что он может дать».

Эта простая аналогия пронзила меня. Я вспомнил себя в детстве, как бежал к отцу с разбитой коленкой или сломанной машинкой. И я вспомнил ту безусловную радость, когда он просто брал меня на руки, и мы вместе смотрели на облака. В тот момент мне ничего не было нужно. Мне нужен был только он.

«Да, Господи, я понимаю...» – прошептал я. – «Но как отличить одно от другого? Где та грань, за которой искренняя просьба дитя превращается в потребительское отношение? Ведь Ты Сам сказал: „Просите, и дано будет вам“. Ты учил нас обращаться к Тебе с нашими нуждами».

«Грань эта проходит через сердце человека», – прозвучал тихий ответ. – «И она определяется тем, что стоит на первом месте. Подумай о двух людях, идущих в гору. Один идет, потому что на вершине его ждет сундук с золотом. Каждый его шаг – это расчет. Он смотрит под ноги, чтобы не споткнуться, он злится на камни, мешающие ему, он торопится, потому что его цель – сокровище. Сама гора, небо над ней, цветы на склонах – для него лишь препятствия или фон. Он использует путь, чтобы достичь цели.

Другой же идет в гору, потому что любит саму гору. Он любит воздух, которым дышит, любит открывающимися видами, чувствует под ногами твердость камня. Он тоже дойдет до вершины, но для него вершина – это не конец пути, а его кульминация, точка, с которой открывается вся красота пройденного. Его цель – не сокровище на вершине, а само восхождение вместе с горой. Так и в пути ко Мне. Один использует Меня, чтобы получить земные блага. Другой ищет земные блага, чтобы лучше служить Мне и радоваться общению со Мной».

Я задумался над этим образом. Сундук с золотом... Это и есть все то, о чем мы так часто просим: здоровье, чтобы жить дольше и комфортнее; деньги, чтобы обеспечить себя и семью; успех, чтобы чувствовать свою значимость. Все это само по себе не плохо. Но если это – конечная цель, то Бог становится лишь проводником к ней.

«Значит, дело в мотивации?» – спросил я. – «Если я прошу здоровья, чтобы иметь силы помогать другим и славить Тебя своими делами, это правильно? А если я прошу того же здоровья, просто потому что боюсь боли и смерти, – это уже использование Тебя как средства?»

«Ты начинаешь видеть суть», – ответил Голос внутри. – _«Дело не в том, что ты просишь, а в том, для чего. Вспомни Моего сына, Иисуса. Он молился в Гефсиманском саду: „Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет“_. Он про-

сил об избавлении от страданий – это самая человеческая из просьб. Но конечной целью для Него была не собственная безопасность, а исполнение воли Отца. Его „Я“ было подчинено воле Отца. Вот ключ. Когда твоя воля, твои желания, твои цели подчинены Моей воле, тогда любая твоя просьба освящается. Тогда ты просишь не для себя, а для нашего общего дела – дела любви и спасения».

Я глубоко вздохнул. Эта мысль была одновременно и простой, и невероятно сложной. Подчинить свою волю... Это означало отказаться от эгоизма, от желания контролировать свою жизнь, от уверенности, что я лучше знаю, что мне нужно.

«Но это же страшно, Господи», – признался я. – «Полностью довериться Тебе – это как шагнуть в пропасть, надеясь, что у меня вырастут крылья. А если нет? Если Твоя воля для меня – это потери, болезни, страдания? Люди боятся этого. Я боюсь».

«Вы боитесь, потому что смотрите на это человеческими глазами и меряете земными мерками», – ответ был полон сострадания, а не укора. – «Вы видите потерю денег, но не видите обретения свободы от алчности. Вы видите болезнь тела, но не замечаете исцеления души от гордыни. Вы видите крушение своих планов, но не догадываетесь, что Я строю для вас нечто гораздо более величественное. Вы боитесь потерять то, что считаете своим, но забываете, что все, что у вас есть, – дано Мною. Истинное сокрови-

ще нельзя отнять. Если Я – твоя цель, то ты уже обладаешь всем. Потому что Я – Полнота всего. Я – мир, который превышает всякого ума. Я – любовь, которая покрывает всякий страх. Я – жизнь вечная, перед которой меркнет любая земная потеря».

В комнате стало совсем темно, только уличный фонарь бросал на стену дрожащий прямоугольник света. Я представил себе богатого человека, у которого есть все: дома, машины, власть. Но если в его сердце нет Бога, он одинок и пуст. Его душа голодает посреди изобилия. А потом я представил бедного монаха в пустой келье, у которого нет ничего, кроме молитвы и веры. Но если Бог с ним, то его келья становится дворцом, а его одиночество – полнотой общения с Тем, Кто сотворил вселенную.

«Если мы с Богом, то мы обладаем всем, а если мы не имеем Бога, то мы ничего не имеем...» – я произнес эту фразу вслух, и теперь она звучала для меня не как красивый афоризм, а как непреложная истина.

«Так что же мне делать, Господи? Перестать просить о земном? Молиться только о духовном?»

«Нет, дитя Мое. Живи полной жизнью. Работай, люби, заботься о своих близких. И приноси все это ко Мне. Проси о хлебе насущном, но помни, что не хлебом единым жив человек. Проси о здоровье, но еще усерднее молись о здравии духа. Проси об успехе в делах, но главной своей целью ставь успех в стяжании Царства Небесного внутри себя. Пусть

каждая твоя земная просьба будет лишь ступенькой на пути к главной Цели – ко Мне. Преврати свою жизнь из списка требований в гимн благодарности. И тогда ты увидишь, что Я не средство. Я – Путь, Истина и Жизнь. И тот, кто находит Меня, находит все».

Голос умолк. Но тишина, что осталась после него, была наполнена миром и ясностью. Тяжесть с сердца ушла, сменившись тихой радостью. Я посмотрел в окно. Фонари внизу больше не казались рассыпанными звездами. Теперь я видел в них маленькие искорки света в огромном мире, и каждая из них, как и моя душа, тянулась к своему Источнику.

Я понял, что мой диалог с Богом – это не сеанс прошений. Это настройка души. Как музыкант настраивает свой инструмент по камертону, так и я должен каждый день настраивать свою волю по Его воле. И тогда любая мелодия моей жизни, будь она радостной или печальной, будет звучать в гармонии с великой симфонией Его любви.

Цель была не в том, чтобы получить ответы. Цель была в самом Диалоге. В том, чтобы быть с Ним. Здесь и сейчас. И этого было более чем достаточно.

Я встал, подошел к книжной полке и взял тонкий томик стихов. Это был мой скромный труд, плод бессонных ночей и долгих размышлений. Раньше, заканчивая стихотворение, я сразу думал: «Господи, помоги, чтобы его напечатали! Чтобы его оценили, чтобы оно принесло мне хоть немного известности и денег». Моя молитва была о сундуке с золотом

на вершине горы.

Теперь же я смотрел на эти строки иначе. Я провел пальцем по заглавию. Каждая буква, каждая рифма была попыткой уловить отголосок той вечной Красоты, которую я чувствовал в мире. Это была моя неумелая попытка описать восхождение, а не сокровище.

«Господи, – прошептал я, прижимая книгу к груди, – пусть эти слова будут не для моей славы, а для Твоей. Если хоть одна душа, прочитав их, на мгновение задумается о Тебе, если хоть одно сердце почувствует то тепло, которое я чувствую сейчас, – значит, все было не зря. Пусть это будет мое служение, мое восхождение. А дойду ли я до вершины признания в этом мире – да будет на то Твоя воля, а не моя».

В этом простом смещении акцента изменилось все. Тревога об успехе сменилась покоем служения. Страх неудачи уступил место надежде на то, что мой малый труд станет частью чего-то большего. Я больше не был торговцем, пытающимся выменять у Бога успех на молитвы. Я становился садовником, который с любовью возделывает свой крошечный участок в огромном саду Творца, радуясь самому процессу и доверяя Хозяину сада заботу об урожае.

Я вспомнил слова апостола Павла: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе». Как часто я вырывал их из контекста, воспринимая как формулу личного успеха, как заклинание для достижения невозможного! «Я все смогу: сдать экзамен, заключить сделку, победить в споре...»

Но ведь Павел писал эти строки из тюрьмы! Он говорил не о земном всемогуществе. Он говорил о способности перенести все: и нищету, и изобилие, и гонения, и почет. Он мог все, потому что его целью был не комфорт и не свобода, а Христос. С Ним он был силен и в узах, и в голоде. Без Него он был бы слаб и во дворце. Вот оно – истинное обладание всем. Это не обладание вещами, а обладание Тем, Кто выше всех вещей.

Эта мысль заставила меня по-новому взглянуть на свою жизнь, на свои «проблемы». Моя работа, которая казалась мне порой рутинной и скучной. Мои отношения с некоторыми людьми, полные недопонимания. Мои финансовые трудности, которые висели надо мной дамокловым мечом. Раньше все это было препятствиями на пути к моему счастью. Я молился, чтобы Бог их устранил. Убрал с моей дороги эти камни.

«А если эти камни и есть твоя дорога?» – снова прозвучал тихий Голос в моей душе. – *«Если твоя рутинная работа – это школа терпения и смирения? Если трудные отношения – это Мой призыв к тебе научиться прощать и любить безусловно, как Я люблю тебя? Если твои финансовые трудности – это возможность научиться доверять Моему Промыслу, а не своему кошельку? Ты просишь Меня убрать испытания, но именно в них ты растешь. Ты просишь гладкую дорогу, но на ней мышцы твоей души атрофируются. Не проси избавить тебя от пути. Проси сил, чтобы пройти*

его со Мною. И тогда любой путь приведет ко Мне».

Я стоял посреди тихой комнаты, и мне казалось, что ее стены раздвинулись. Моя маленькая жизнь, с ее мелкими заботами и страхами, вдруг оказалась вписана в огромный, непостижимый, но полный любви замысел. Бог был не спасателем, которого вызывают, когда случилась беда. Он был Проводником, который идет рядом всегда, особенно по каменистым тропам.

Эта перемена перспективы была сродни землетрясению в душе. Все, что казалось незыблемым, пошатнулось, а то, что я считал второстепенным, вышло на первый план. Молитва перестала быть списком покупок для души и превратилась в дыхание. «Господи, дай мне...» все чаще сменялось на «Господи, я здесь, с Тобой. Что мы будем делать сегодня?»

Я понял, что значит «обладать всем». Это не значит иметь виллу на побережье и без лимитную кредитную карту. Это значит в любой точке своей жизни – будь то больничная палата, офис, тюремная камера или царский дворец – ощущать Его присутствие. Это присутствие и есть то единственное сокровище, которое нельзя украсть, которое не ржавеет и не обесценивается. Оно превращает воду скорби в вино тихой радости. Оно дает силы благодарить за хлеб и воду так, как иной не благодарит за пир. Оно наполняет одиночество смыслом, а общение с людьми – глубиной.

И наоборот, «ничего не иметь» – это не про бедность. Это

про внутреннюю пустоту, которую человек пытается заполнить чем угодно: вещами, развлечениями, властью, чужим одобрением. Он строит свою жизнь на песке собственных достижений и желаний. И когда приходит буря – а она всегда приходит – его дом рушится, и он остается один на один с оглушительной пустотой, потому что у него никогда не было настоящего фундамента. У него не было Бога.

Я снова посмотрел на свои руки. Этими руками я работал, обнимал близких, держал книги. Раньше я видел в них инструмент для достижения *моих* целей. Теперь я видел в них дар. Дар, который я могу либо использовать для эгоистичного строительства своего маленького мирка, либо протянуть Ему и сказать: «Вот они, Господи. Используй их для Твоего дела. Пусть они станут продолжением Твоих рук в этом мире».

Это был выбор. Ежедневный, ежечасный, ежеминутный выбор. В каждом поступке, в каждой мысли, в каждом слове. Искать ли в этом выгоду для себя или возможность послужить Ему и ближнему? Жаловаться ли на трудности или благодарить за возможность проявить в них веру? Видеть в людях конкурентов и средства для достижения своих целей или видеть в них Его образ, нуждающийся в любви и сострадании?

Диалог внутри меня затихал, переходя в состояние молчаливого согласия. Я больше не хотел спорить или допытываться. Я хотел просто быть. Быть в этом потоке Его воли,

как лодка, доверяющая течению великой реки. Да, впереди могли быть и пороги, и штили, и бури. Но река знала, куда она течет. Она текла к Океану.

Я погасил свет и лег в постель. Ночь за окном была глухой и безмолвной. Но впервые за долгое время я не чувствовал себя маленькой, затерянной точкой в холодной вселенной. Я чувствовал себя частью чего-то необъятного и любящего. Я закрыл глаза, и последней моей мыслью была не просьба, а утверждение. Молитва, состоящая всего из трех слов, в которых теперь был заключен весь смысл моей новой, обретенной жизни:

«Ты – моя Цель».

И в этой цели я обрел всё.

Сон этой ночью был иным. Он не был провалом в бессознательное, бегством от дневных забот. Он стал продолжением диалога, но уже не словами, а образами. Мне снилось, что я иду по узкой тропе, выющейся по самому гребню горы. С одной стороны – пропасть, окутанная туманом, из которой доносились голоса страха, сомнений и отчаяния. «Ты упадешь!», «Ты не сможешь!», «Все это бессмысленно!». С другой стороны – залитая солнцем долина, полная жизни, откуда веяло покоем и доносилось тихое пение.

Я шел осторожно, боясь оступиться. В руках у меня был посох. Пока я смотрел на тропу под ногами, на свои шаги, на пропасть, страх сковывал меня. Ноги становились ватными, и я чувствовал, как теряю равновесие. Но стоило мне

поднять взгляд и устремить его на далекую, сияющую вершину впереди, как шаг становился тверже, а посох в руке – надежнее. Я понял, что посох – это вера, а вершина – это Он, моя Цель. Страх не исчезал полностью, голоса из пропасти не умолкали, но они теряли свою власть надо мной, пока мой взор был устремлен вперед и вверх.

Пробуждение было легким, как выход из чистой воды. Первые лучи солнца пробивались сквозь жалюзи, рисуя на стене золотые полосы. И первое, что я ощутил, была не привычная утренняя тревога о предстоящем дне, а тихая благодарность за то, что этот день настал. Он был не очередной страницей в книге моих достижений или неудач. Он был новым даром, новым отрезком пути к Вершине.

За завтраком я поймал себя на том, что моя молитва перед едой изменилась. Раньше это была скороговорка, формальность: «Благослови, Господи, пищу сию...». Сегодня же я смотрел на простой кусок хлеба и чашку кофе, и видел в них не просто калории для поддержания жизни. Я видел заботу. Заботу земли, что вырастила зерно, заботу сотен людей, что собрали его, смололи, испекли хлеб. И над всем этим – Его незримую заботу, дарующую сам этот хлеб и саму эту жизнь. Молитва родилась сама собой: «Благодарю Тебя, Отче, за этот дар. Дай мне сил использовать энергию, которую он мне даст, не только для себя, но и для служения Тебе сегодня».

День начался. Рутинa, которая еще вчера казалась мне се-

рой и удушающей, предстала в новом свете. Разбор бумаг на работе перестал быть бессмысленным переключиванием макулатуры. Это стало моим малым делом, моей зоной ответственности. Я подумал: «Могу ли я сделать это не просто „на отвязись“, а добросовестно, как будто делаю это для Него?». И странное дело, когда я начал работать с этой мыслью, раздражение ушло. Появилось усердие, даже своего

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.